

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »

СПЕЦНАЗ

Максим ШАХОВ

ВЗОРВАТЬ
«МОСКВУ»

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!

Читай внутри условия акции-2011!

Максим Анатольевич Шахов

Взорвать «Москву»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=624605

Шахов М. А. Взорвать «Москву»: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-48996-1

Аннотация

Уволенный из армии капитан спецназа Артем Тарасов запутался в сложностях мирной жизни. Даже чуть было с бандитами не связался... Но его вовремя заметил бывший сослуживец полковник ФСБ Мезенцев и предложил настоящую работу. Суть ее в следующем. Организация украинских националистов-бандеровцев готовит в Севастополе взрыв российского крейсера «Москва», и Артему поручено предотвратить теракт, а заодно уничтожить подрывника. Однако все пошло совсем не так, как было спланировано...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	26
Глава третья	53
Глава четвертая	81
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Максим Шахов

Взорвать «Москву»

Все персонажи романа имеют реальных прототипов.

Глава первая

Ветеран СС

*Die Fahne hoch!
Die Reihen fest geschlossen!
SA marschier't mit ruhig festem Schritt
Kam'raden, die Rotfront
Und Reaktion erschossen,
Marschier'n im Geist In unser'n
Reihen mit.*

«Horst Wessel Lied»¹

«Правильно, что надел плащ. Странная страна и странная погода».

Так думал Петр Куйбида, выбираясь из толпы шумных жестикулирующих туристов перед автостоянкой аэропорта

¹ Знамена ввысь! В шеренгах, тесно слитых, Суверенно чеканит твердый шаг. И если был ты коммунистами убитый, То вместе с нами ты становишься под стяг. «Хорст Вессель», нацистский гимн. (Пер. М. Залеской.)

Фьюмчино, куда только что прибыл рейсом авиакомпании SAS из Борисполя через Копенгаген. Всего шесть часов в воздухе провел вместительный «Дуглас», и киевская весна сменилась римской, а небо стало голубее и чище. Воздух был теплым, но странно резким, полным запахов. Привычно пахло асфальтом и бензином, непривычно – пряностями и соусами из ближнего уличного кафе.

В Италии он был впервые, и эта страна пока не вызывала у него ничего, кроме легкого раздражения. Слишком много суматохи. Слишком много музыки. Слишком много красок и эмоций... Да – и слишком много черных.

Прилетевший в Рим в качестве туриста, Куйбида не чувствовал того подъема настроения, которое сопровождает первое посещение любой новой страны. Тяжесть задания тяготила его, как рюкзак за плечами тяготит пешего туриста. Каждый его шаг должен закономерно следовать из предыдущего, и любая потеря времени была крайне нежелательна. Нельзя, к примеру, пофлиртовать вон с той чернявой девицей, которая довольно бесцеремонно оглядывает гостя из Восточной Европы подведенными темными глазами. Нельзя посмотреть нарочито-величественный Колизей, озеро Браччано и прочее, о чем так увлекательно толкуют туристические справочники, – разве что на обратном пути. Товарищи по партии ждут известий, и ради этих известий Куйбида и был направлен сюда, в Вечный город, из-за чего пришлось растряссти и без того тощую казну Тернопольской ячейки

ОУН(б). Непосвященным, пожалуй, требуется расшифровать эту аббревиатуру: ОУН(б) означает не что иное, как пресловутую «Организацию украинских националистов», а точнее ее левое, «революционное» крыло; за буквой «б» скрывается фамилия небезызвестного Степана Бандеры...

«Сделать дело – и назад, – думал Куйбида. – Мы, украинцы, нация домашняя, мы привязаны к родному дому... Но – черт побери! – Кульчицкий мог бы истратить лишних пару сотен евро из оуновской кубышки на то, чтобы позволить мне побыть здесь хотя бы двое суток... Жлоб, настоящий жлоб! И какого черта я тогда написал в партийной анкете, что немного владею итальянским?!»

Назло жлобу Кульчицкому Куйбида решил отправиться по нужному адресу на такси, а не на общественном транспорте.

– Си прега ди Чампино. Э велоце!² – усаживаясь на заднее сиденье вишневого такси, с деревянным акцентом проговорил Куйбида. Он протянул водителю бумажку с точным адресом, чтобы не мучить язык сложным названием улицы.

– E dove и la fretta? Tale una buona giornata!³ – отозвался водитель, заводя мотор.

Такси бойко вывернуло со стоянки, на минуту задержалось перед шлагбаумом и влилось в плотный поток движущихся затылок в затылок авто.

² Пожалуйста, Чампино. И побыстрее (*итал.*).

³ И куда торопитесь? Такой хороший день! (*итал.*)

«Счастливые люди, – думал Куйбида, поглядывая в окошко на катящиеся мимо разномастные машины. – Счастливые – живут и не знают, как мы там паримся. Украины для Европы до сих пор не существует. Счастливые они здесь...»

Взглянув в зеркало на угрюмого пассажира, водитель включил приемник. Вместо ожидаемого медового Сан-Ремо в динамиках забулькал густой американский трип-хоп. Все в мире давно и бесповоротно перемешалось – даже макароны и гамбургеры...

Экспонатами музея проплыли мимо какие-то постройки, памятные по картинкам из старых непрочитанных книжек. Какой-нибудь Микеланджело все это построил, чтобы потомки гордых римлян через сотни лет ходили мимо и поплевывали: мол, настроили черт-те чего дорогие прапрадеды! Футбольные стадионы нужно было строить! И побольше автостоянок! Да-да, и много дешевого жилья для эмигрантов из вшивой Африки!.. «Нам такого потомки не скажут, – смаргивая шелуху мгновенных впечатлений, размышлял Куйбида. – Потому, что не будет потомков, как не будет нас самих. Потому, что, если сегодня мы не возьмем власть, завтра по улицам Львова проедут русские танки, кроша в пыль полинялых гипсовых львов...»

Рим кончился. Потекла под колесами однообразная серая гладкая лента трассы с мельтешащими полосами заграждений.

«Я не верю во всю эту затею, – покусывая губу, мысленно

признался себе Куйбида. – А если и верю, то... то все равно не верю!»

Проехали билборд с рекламой овощной пасты. Обсаженная хилыми деревцами улица заворачивала вправо. Куйбида узнал это место по фотографии, только живьем этот тихий уголок заштатного городка оказался куда ярче и привлекательнее.

– Стоп проприо ли⁴, – указал Куйбида на кучу круглых неправдоподобно зеленых кустов неизвестного сорта, за которыми угадывалась кирпичная стена и двускатная крыша двухэтажного особняка.

– Il tuo amico ha un cattivo lavoro! – отсчитывая сдачу, усмехнулся водитель. – Arrivederci, signor!⁵

Не найдя рядом с калиткой кнопки звонка, Куйбида постучал. Никакого ответа. Он постучал еще раз. Послышался сухой стариковский кашель. Приблизились шаркающие неуверенные шаги.

Окошечко, устроенное в калитке, открылось. Прозвучал скрипучий старческий голос:

– Che cosa volete?⁶ – в просвете мелькнула небритая щека, густые брови, черный внимательный глаз.

Куйбида слегка наклонился к окошку и отдельно проговорил:

⁴ Остановите вон там (*итал.*).

⁵ Ваш друг неплохо устроился!.. До свидания, синьор! (*итал.*)

⁶ Что вам нужно? (*итал.*)

– Иль синьор Сичинский ми аспетта. Иль мио номе Куйби-да...⁷

Окошко захлопнулось. Слышно было, как старик звенит ключами и ворчит под нос что-то насчет чертовых гостей, которые приходят как раз тогда, когда привратнику пора подстригать газон. Наконец калитка бесшумно распахнулась, и старик из-под сдвинутых седых бровей недружелюбно взглянул на гостя.

Куйбида попробовал улыбнуться, но улыбка вышла какая-то вымученная. Да и не нуждался этот суровый старик в улыбках: веселых гостей в особняке, похоже, отродясь не бывало.

– Проходите, синьор, – поворачиваясь клетчатой худой спиной, буркнул привратник.

Проходя по мощенной булыжником парковой дорожке, Куйбида обратил внимание на аккуратность, царившую вокруг. Подстриженные клумбы. По ниточке выровненные деревца. Присыпанная желтым песком площадка...

– Синьор Сичинский обожает порядок, – словно угадав мысли гостя, сообщил привратник. – Так что если вздумаете закурить, окурочек придется унести с собой...

Они прошли мимо парадного входа с колоннами и зеркально-чистыми ступенями. Этим входом, похоже, пользовались редко. Сразу за углом в кирпичной стене особняка обнаружилась узкая дверь, которую не сразу можно было

⁷ Синьор Сичинский ждет меня. Моя фамилия Куйбида.

различить за шпалерами густого плюща. Привратник повозился с ключом. Открывшийся сумеречный коридор дохнул сухими цветами, парфюмерией, свечным духом. Решетки на окнах. Мерцает под потолком красный глазок системы безопасности.

– Идите прямо, – пропуская гостя вперед, сказал привратник. – Там будет дверь гостиной. Хозяин там. Буона джорно, синьор!

Куйбида кивнул и пошел вперед. Узкие двери захлопнулись за его спиной.

«Правильно заметил Кульчицкий: синьор Сичинский сторонится гостей, – думал он, щурясь. – Удивительно, что он согласился на эту встречу. Впрочем, неудивительно: он лет пять назад отошел от дел – только на встречи ветеранов выезжает, да и то не каждый год...»

Куйбида толкнул украшенную резьбой дверь и вошел в слабо освещенную гостиную. Он не сразу разглядел мягкий угловой диван, книжную полку, картины в золоченых рамках, украшенный вышитыми рушниками портрет Шевченко у окна, рядом чье-то увеличенное старое фото – худой остроносый человек с залысинами на лбу, казалось, смотрел на гостя осуждающе.

– Слава героям! Добрый день, пан Куйбида.

Гость вздрогнул: мягко и вкрадчиво прозвучало мелодичное украинское приветствие в этом странном доме.

Из не замеченной гостем двери, колыхнувшись на поро-

ге, выкатилась инвалидная коляска. На ней, до подбородка укрытый клетчатым пледом, сидел седой как лунь старик с живыми внимательными глазами. В трясущейся руке, брошенной поверх одеяла, хозяин держал книгу. «Catullus. Carmina⁸» – напрягая зрение, прочитал Куйбида. Синьор Сичинский, похоже, размышлял о вечном. Интересно, где это он латыни обучался? В школе СС, должно быть?

– Героям слава! – привычно ответил Куйбида и поклонился. – Рад приветствовать в вашем лице старого борца...

«Подать ему руку или не подать?» – подумал, но хозяин опередил его.

– Мое стариковское рукопожатие вряд ли будет вам приятно, – проговорил хозяин. – Пожалуйста, подкатите коляску к окну. Здесь ступенька – у электромотора недостает сил.

Гость кивнул и, вдавив резиновые ручки, приподнял передние колеса, вкатил экипаж на ступеньку, пододвинул к окну.

– Благодарю уважаемого пана, – проговорил синьор Сичинский, узловатым пальцем указывая на диван. – Прошу пана садиться. Вот диваны держу только для гостей. По мне, так было бы гораздо удобнее оставить голые стены – я ведь с коляски не встаю, мне много пространства нужно, да и Аретино стал стар – пока его дозовешься...

Гость присел, утонул в диванных подушках. Хозяин смотрел в заплетенное плющом окно. Через решетку падал зо-

⁸ «Катулл. Песни» (лат.).

лотистый солнечный свет, и Куйбида невольно залюбовался красивым, как на картинах итальянских мастеров Возрождения, профилем старика.

– Судя по вашему виду, зарубежная референтура ООН по-прежнему процветает, – начал, не оборачиваясь, хозяин. – «Зарубежники» – лучшие люди, элита организации. Так было в тридцатые, когда мы боролись с поляками. Так было в сороковые, когда мы сражались с москалями.

Куйбида наклонил голову: комплимент был приятный, хотя и слишком явный.

– Так что вам угодно? – продолжал старик. – Если вы хотите получить очередное интервью на тему «Как нам обустроить Украину» или пригласить меня на встречу национал-патриотов, то я вынужден отказаться. Впрочем, пан Кульчицкий не сообщил о цели вашего приезда, а значит, эта цель серьезнее, чем я предположил бы в другое время...

«Старый лис, похоже, еще не потерял нюх», – подумал Куйбида, но отвечать не торопился: хозяин, похоже, намеревался сказать еще что-то.

И точно; помолчав, синьор Сичинский добавил:

– Вы родом из Львова, не так ли? Я угадал по вашему выговору. Я тоже старый львовянин. Так, знаете ли, приятно слышать родную украинскую речь в этом искусственном раю...

Куйбида кивнул: настроение старика было ему понятно.

– Я заболтался, простите, – медленно, наслаждаясь звуками

ми собственной речи, произнес хозяин. – Так что все-таки вам угодно, синьор?

Пора сказать главное!

– Как вы догадались, мне нужно не интервью и не ваше присутствие на партийном съезде, – негромко проговорил Куйбида. – Я и мои друзья относятся к тому крылу нашей партии, которое не терпит болтовни и предпочитает реальные действия...

– Понимаю, – наклонил голову хозяин. – Тогда, в сорок втором, мы были такими же – молодыми, сильными и решительными. Пока наши слишком ученые и слишком осторожные товарищи по партии погрязали в ненужных дискуссиях, мы пошли единственно верным путем. Германия пошла нам навстречу и позволила направить оружие на вечно-го врага Украины – чертову Россию! Отлично обученные и вдохновенные, мы пришли на родную землю, чтобы отстоять ее перед лицом железных большевистских орд! «Хайль зиг!» – «Да здравствует победа!» – так приветствовали мы друг друга! И победа была близка! Дивизия СС «Галичина» покрыла себя неувядаемой славой...

Гость хотел что-то возразить, но синьор Сичинский не дал ему и рта открыть.

– И мы, истинные украинцы, лучшие люди вечной украинской расы, победили! – старик торжественно поднял дрожащую руку. – Мы победили, это несомненно! Мне восемьдесят восемь лет, я воевал, и если бы не эти проклятые ноги,

отказывающиеся служить, сейчас я ухаживал бы за дамами на полвека моложе меня... А в Украине еще остались живые солдаты Третьего Украинского фронта, которые в том смертельном бою столкнулись с бойцами СС «Галичины»? Неужели остались?

– Единицы, – поморщившись, ответил Куйбида.

– Они выиграли не войну, а нищую страну, которой управляют преступники, – сухо рассмеялся синьор Сичинский. – Это не лучший выигрыш, не так ли, пан?

Хозяин откашлялся.

Повисла пауза.

«Старик многоречив, – подумал Куйбида. – Предаваться боевым воспоминаниям можно до вечера, а товарищи ждут моего звонка...»

– Мы хотим взорвать «Москву», пан Сичинский, – сказал гость и жадно впился взглядом в лицо старика.

Брови хозяина поползли вверх, морщины на лбу собрались в гармошку, и Сичинский расхохотался, как только может расхохотаться без малого девяностолетний старик.

– Bravo! Брависсимо! – восклицал он сквозь смех и снова принимался хохотать. – Москву?! Тутта Москау?! Э семпре бене, синьор!⁹ – перепрыгнул хозяин на итальянский и огласил гостиную новым раскатом скрипучего смеха.

«Не зря ли мы с ним связались? – подумал Куйбида. – Все ли в порядке с головой у отставного эсэсовца?»

⁹ Всю Москву?! Тем лучше, господин! (*итал.*)

Гость терпеливо ждал, пока этот приступ веселья закончится. Наконец хозяин смахнул с глаз невольные слезинки и устался на Куйбиду.

– Мы хотим взорвать ракетный крейсер «Москва», – тоном, которым разговаривают с маленькими детьми, пояснил Куйбида и добавил: – Всего лишь ракетный крейсер...

На лице синьора Сичинского изобразилась задумчивость.

– А зачем вам это понадобилось? – осведомился он. – Такая акция отнюдь не подорвет боеспособность России.

Теперь был черед впасть в недоумение гостю. Старик валает дурака или действительно не понимает, о чем речь?!

– Мы реалисты, – заявил Куйбида. – Разумеется, таким способом нанести большой урон российскому флоту не удастся. Однако это подорвет веру многих плохих украинцев...

– А во что они верят?

– В великую Россию... Да, такая акция развяжет нам руки не только на крымском, но и на донбасском, и на северном направлениях.

– Что ж, теперь я вижу в этом немалый смысл, – совершенно серьезно сказал хозяин. – Простите мне это веселье: «Взорвать Москву» – это прозвучало так забавно! Да, взорвать город, которым правит сам Сатана, было бы лучшим подтверждением того, что наша общая борьба имеет смысл! Но и пустить ко дну флагман вражеского флота – тоже мысль хорошая! Мои поздравления львовским товарищам!

– Какие поздравления? «Москва» пока еще стоит на причале в севастопольском порту, – заметил Куйбида. – Да и не только «Москва» мозолит глаза истинным патриотам...

Хозяин замолчал. Его морщины разгладились, веки упали на глаза: будто кто ширму на лицо навесил.

– А что вас, собственно, привело ко мне? – почти официальным голосом поинтересовался синьор Сичинский.

«Прелюдия кончилась. Начинается сама симфония», – понял гость.

– Господин Кульчицкий и другие уважаемые товарищи считают именно вас самым авторитетным сторонником национально-патриотического движения на Западе, – сухо сообщил Куйбида. – Мы навели справки – и именно вас, господин гауптштурмфюрер, нам назвали как наиболее вероятного...

– Простите, я старый человек, – поднял глаза синьор Сичинский. – Я не совсем понимаю, о чем вы говорите...

– Бросьте! – досадливо поморщился гость. – Мы навели справки и были просто поражены: три европейские разведки получали в свое время вашу неоценимую помощь – итальянская, немецкая и английская...

– Свой послужной список я отлично помню, – перебил хозяин. – Насчет этой... гм, акции вы консультировались у кого-нибудь еще?

– У нас весьма скромные возможности, – ответил Куйбида, – но с неофициальным, скажем так, Тбилиси у нас имеют-

ся налаженные контакты. К сожалению, грузины нас не совсем поняли и заломили такую цену, от которой у меня до сих пор болит голова...

– Ирландия? – быстро спросил пан Сичинский.

– Невменяемы, – односложно отозвался гость.

– Чечня?

– Боятся третьей российской агрессии...

Хозяин покачал головой и задумался. Хмуρο поглядывал со стены нарисованный Шевченко. Туча напoлзла на солнце, и в комнате стало еще сумрачнее. Заметнее стала решетка на узком окне.

– Я помогу вам, господин Куйбида, – проговорил синьор Сичинский. – Я не могу вам не помочь. Только взрывы военных судов – не моя специальность. Если бы вы вознамерились пристрелить президента Медведева, я мог бы поспособствовать, а так...

Хозяин повертел перламутровую ручку, и коляска, негромко заурчав электромотором, перекадилась в другой угол комнаты.

– Настоятельно рекомендую пану обратиться вот по этому адресу, вот к этому человеку, – запустив руку в секретер, проговорил он. – Это пожилой итальянец, господин Лука Синьорелли. Правда, не такой пожилой, как я. В свое время он приложил руку к знаменитой операции по уничтожению советского линкора «Новороссийск» в 1956 году. Вы молоды и можете не знать той давней истории...

Куйбида не подал виду, хотя отлично знал о том давнем грандиозном событии. Линкор «Новороссийск» был давно обозначен итальянскими подводными диверсантами как «цель № 1» в севастопольской бухте. Этот корабль после Второй мировой перешел от поверженной Италии к победившим Советам – этакий приз победителю. Не стерпели итальянцы такого надругательства над героическим линкором, сослужившим хорошую службу Муссолини, и направили в бухту Севастополя, в те времена плохо охранявшуюся, сверхмалую подводную лодку с диверсантами и грузом взрывчатки на борту. Руководил операцией знаменитый князь Боргезе, соратник самого Муссолини, – ведь именно итальянцы долгое время были лучшими подводными диверсантами мира. Алый куст взрыва расцвел в носовой части судна ночью, в час тридцать по Москве. И пошел на дно «Новороссийск» вместе с командой и вооружением... Тайна гибели линкора до сих пор засекречена: России не хочется открывать свои постыдные тайны. Ведь уберечь огромное судно от диверсантов спецслужбы тогда не смогли...

«Да, итальянцы сумели подобраться к линкору незамеченными, заложить заряды и привести их в действие, – подумал Куйбида. – Громкая была история, победная...» Перед ним стояла другая картина: торжественно, как на параде, отправляющийся на смотр к самому богу морей Посейдону тонущий крейсер «Москва»... «Громкая будет история. И тоже победная... Черт побери, чем мы хуже наших славных

дедов?»

Хозяин прервал паузу:

– Кстати, не думайте, что синьор Синьорелли первым же авиарейсом помчится в Севастополь, натянет акваланг и нырнет под днище «Москвы» с грузом взрывчатки за плечами... Разумеется, нет! Но полезный совет он вам непременно даст. Гарантирую вам. Он мне кое-что должен по старым делам. А лично я буду рад еще раз послужить Украинской Самостийной Соборной Державе... – Сичинский помолчал и добавил: – Послужить сейчас – ведь тогда, в сорок третьем, когда ради славы Украины я надел мундир СС, сделать это не удалось. Точнее, не в полной мере...

Визитная карточка господина Синьорелли танцевала в узловатой холеной руке хозяина.

– Благодарю вас! – принимая черный картонный квадратик с тиснеными золотыми буквами, пылко проговорил Куйбида. – Ваша помощь, пан Сичинский, неоценима...

– Бросьте! – устало возразил хозяин. – Чем могу, как говорится... Теперь лучшим свидетельством вашей любви к державе и нации будет фото тонущей «Москвы». С нами бог, как говаривали мои немецкие коллеги!

Гость поднялся и тут только заметил, что забыл снять плащ.

Встреча была исчерпана. Старик не на шутку утомил Куйбиду. Какая многословность, черт его побери, старого ма-разматика!.. Да, старому поколению патриотов не хватало

здорового прагматизма, и потому вместо Третьего рейха на Украине воцарились Советы...

– До побачення, пан! – проговорил Куйбида. – Слава героям!

– Героям слава! – отозвался синьор Сичинский.

– Простите, – вдруг обернулся гость. – Чей это портрет на стене? Вон там, рядом с Шевченко?

– Не узнали? – удивился хозяин. – Это Степан Бандера, мой личный друг. Правда, на этом фото он мало похож на свои популярные изображения. Здесь он снят за месяц до своей трагической гибели. Говорил я этому революционному романтику... Впрочем, ладно, нечего ворошить старое. Всего доброго! И за здравствует победа! Хайль зиг, пан Куйбида!

Дверь гостиной открылась, и на пороге возник синьор Аретино со стаканом в одной руке и пузырьком капель в другой.

– Вам пора принимать лекарство, хозяин, а этот ваш земляк никак не уходит! – сдвинув брови, проворчал привратник. – А вам, синьор, – обратился он к Куйбиде, – не следовало так утомлять синьора Сичинского... Обе двери открыты, только потрудитесь плотно затворить за собой каждую из них. А то вы, гости из Восточной Европы, не очень-то любите закрывать за собой двери – разве только хлопать ими...

Куйбида с улыбкой проговорил:

– Сорри! Ариведерчи!

Поклонившись, он вышел в коридор, в конце которого светилась открытая дверь на улицу.

За его спиной недовольно забормотал по-итальянски синьор Сичинский и глухо загудел синьор Аретино.

«Вот еще один старый маразматик ждет моего визита, – оглядываясь в заднее окно такси, думал Куйбида. – Чертова командировка! Слава богу, моего запаса итальянских слов достаточно для того, чтобы не услышать половины сказанного этим, как его...»

«Доктор Лука Синьорелли, компания «Белла», шеф-директор», – прочитал он на визитной карточке.

* * *

Синьор Синьорелли – в этом обращении Куйбиде чудилась дурная бесконечность – оказался на редкость деловитым и американистым дядькой лет шестидесяти. Услышав по телефону о пане Сичинском, Синьорелли запнулся, но потом с той же энергией предложил гостю из Украины встретиться на свежем воздухе – «open air». Говорил этот итальянец по-английски, чем вызвал несказанное облегчение Куйбиды.

– Простите мне небольшую формальность, – после энергичного рукопожатия проговорил Синьорелли, извлекая из кармана пиджака предмет, похожий на триммер для стрижки собак. Зажегся красный глазок светодиода, машинка

пискнула. Итальянец ловким жестом провел от груди до подошв гостя и удовлетворенно усмехнулся.

– Я не намерен ни записывать, ни фотографировать, – сказал Куйбида. – Это грозило бы неприятностями скорее мне, чем вам. Вы не представляете, в каких условиях нам придется работать на нашей несчастной родине...

– О да! – кивнул Синьорелли. – Так с чего же мы начнем?

По мере того, как гость рассказывал, лицо синьора доктора становилось все более озабоченным.

Куйбида закончил и перевел дух: все-таки беседа на иностранном языке выматывает, будь он не ладен!

– Как я понимаю, эта акция – лишь часть более обширного плана? – спросил Синьорелли. – Впрочем, можете не отвечать на этот вопрос, мне и так все ясно, – добавил он, видя замешательство гостя. – У вас есть настоящие профессионалы?

– Да, есть, – ответил Куйбида. – Несколько готовили в Грузии, двое прошли спецподготовку в Мюнхене.

– Эти профессионалы первыми скажут вам, что план со взрывом крейсера – чистейшей воды бред, – остро взглянув в глаза гостя, проговорил Синьорелли. – Откажитесь от этой идеи, пока не поздно! Почему ваша партия не желает идти нормальным парламентским путем?

Этот предсказуемый вопрос разозлил Куйбиду. Такое он слышал от многих. Возражать было нечего – и он ярился, доказывая правоту движения... Он летел за тысячи километ-

ров не для того, чтобы выслушивать наставления!

– Простите, доктор, – убирая с лица улыбку, сказал гость. – Мое руководство не предполагало такого, гм... глубокого обсуждения нашей стратегии.

– Хорошо, – после небольшой паузы отозвался Синьорелли. – После вашей последней фразы меня так и подмывало послать вас к черту. Слишком много авантюристов шляется в наше время по Европе в поисках приключений...

– Спасибо за откровенность, – буркнул Куйбида, но итальянец увлеченно продолжал:

– Да-да, множество! Ненормальные баски, психованные ирландцы, бритоголовые берлинские наци, от которых так и разит Нюрнбергским трибуналом... Теперь вот и в вашем медвежьем углу Европы запахло международным терроризмом... Вы, кстати, не обиделись? Тогда я продолжу... И все эти парни мечтают что-нибудь поднять на воздух – Эйфелеву башню, замки Гауди, Кельнский собор... Словом, что-нибудь торчащее. Мой психоаналитик заметил бы, что все эти бравые ребята страдают из-за того, что у них маленькие члены – иначе как объяснить эту зоологическую ненависть ко всему возвышающемуся над поверхностью нашей грешной планеты?

Куйбида, несколько огорошенный, внимательно слушал эти бурные излияния темпераментного итальянца.

– Но посылать вас к черту я не стану, – поднял палец Синьорелли. – Я слишком уважаю синьора Сичинского, чтобы

отказать вам в помощи. Давайте присядем...

Собеседники расположились на лавочке по соседству с негром в линялой футболке, лениво посасывающим пиво и посверкивающим белками глаз.

– Итак, начнем, – уже совершенно спокойно проговорил доктор. – Вы – профессионал?

– Думаю, да, – осторожно ответил Куйбида.

– Как я понимаю, на аренду мини-подлодки у вас денег нет. Предлагаю установить несколько банальных мин-«липушек», – взглянув на часы, заговорил Синьорелли. – Приобрести их вы сможете в самом Севастополе, хотя это довольно дорого... Кроме того, желательно, чтобы непосредственный исполнитель операции посетил Рим – я лично проведу с ним несколько тренировочных дней. Кроме обычного инструктажа мне придется рассказать ему кое-что более важное...

Пригрело солнце. Куйбида снял ненужный плащ и перебросил через локоть. Багаж, оставленный в камере хранения аэропорта Фьюмичино, так и не понадобился.

Они беседовали час с лишком. Куйбида впитывал подробности, следя за выражением лица доктора Синьорелли. Стариковское брюзжание сменилось в нем деловой бодростью профессионала. Он сыпал примерами, называл фамилии и даты, гордясь своей хорошей памятью. Рассказ был живописен и точен.

...Пылали доки. Алыми взрывами расцветивались стальные туши боевых кораблей. Взлетали и рушились в гудя-

щее пламя самолеты. Уходили в отставку правительства. Отправлялись спецрейсами груженые снаряжением командос. Спецслужбы семи держав сбивались с ног, разыскивая виновников очередной громкой трагедии...

И над всем этим царила сдержанная усмешка отставного разведчика и диверсанта, доктора Луки Синьорелли.

Они простились через час, и Куйбида долго смотрел, как вальяжно удаляется ветеран тайной войны. Такого не прошибешь – он точно знает, что делает.

После эмоционального разговора с итальянцем Куйбида чувствовал себя как выжатый лимон. До вылета оставалось немного времени, но желания погулять по Вечному городу уже не было.

Украинец извлек из кармана мобильник и набрал номер.
– Пан Кульчицкий, день добрый! – сказал он в трубку. – Встреча состоялась. Все идет по плану. Нам понадобится теперь только аккуратный исполнитель...

Глава вторая

«Будьмо, хлопцы!»

*Ведет нас в бой борцов погибших слава,
И высший наш закон – приказ.
«Украинская Соборная Держава» —
Свободная, могучая, от Сана по Кавказ.
«Мы родились в великий час...» Гимн ОУН*

Синие сосны качали мохнатыми лапами. Солнце едва пробивалось сквозь кроны, но там, где лучи падали на устланную хвоей землю, вскипали пятна нештучной жары. Гудел в воздухе заблудившийся с ночи, загруженный по уши кровью комар. И светились прозрачной синевой близкие вершины Карпат – Поп Иван поднимал к небу свою косматую шапку, Грегит струился туманом.

Бойцы, отдуваясь и отплевываясь, лежали на земле. Учебные автоматы были брошены, вода из армейских фляжек выпита до дна. Коротко стриженный командир, утираясь черной повязкой, стянутой с головы, тербил свой мобильный: покрытие здесь было скверное, связь поминутно прерывалась. Он оглядел вымотанных бойцов и, улучив момент, когда завибрировала в воздухе тонкая нить слышимости, быстро выпалил в трубку:

– Да, *друже провиднык*¹⁰, вышли на точку! Знамя «синих» у нас! Есть, выдвигаться к району сосредоточения, *друже провиднык!*

Полевые учения «антоновцев» – самого массового и самого боевого подразделения ОУН(б) – подходили к концу. Взвод хорунжего Бузько, помеченный белыми квадратами на зеленых камуфляжных спинах, одолел непростой перевал и вихрем ворвался в расположение «синих». Хрястнула чья-то свернутая набок челюсть, неразборчиво заорал часовой, а бойцы «белых» уже крушили палатки, топтали любовно разложенные бутерброды, сбивали с ног замешкавшихся бойцов условного противника, добираясь до холмика, в который было воткнуто синее полотнище на длинном древке, украшенное эмблемой ОУН. Схватка была короткой и жестковатой для учебного боя: постанывая, корчился на траве «синий» с вывихнутой рукой; ему вторил «белый», прижимающий к подбитому глазу нагретую фляжку. Кто-то поспешно собирал в пирамиду учебные «калашниковы».

Осознав свое поражение, «синие» со смехом похлопывали «белых» по спинам, жали руки. Сегодня *провиднык* Кульчицкий будет хвалить всех – и победивших, и побежденных. В селе под горой накроют длинные столы, на которых воздвигнутся башни свежеиспеченного хлеба, бастионы колбас и целые жбаны свежего пива. Сегодня Кульчицкий скажет

¹⁰ *Провиднык* – представитель Центрального Провода ОУН, руководящей структуры бандеровской организации.

торжественную речь, и над вечеряющими соснами диким медом потечет боевая песня. Забродит в крепких молодых головах пивной хмель, потекут рекой родные песни, и парни из Пшемысля, Почаева, Стрыя, Коломыи, Бережан будут танцевать аркан – старинный танец настоящих мужчин, мощно сцепив плечи с буграми бицепсов, в такт ухая шнурованными ботинками в нагретую вечернюю землю. Им будет тепло и уютно вместе.

А потом настанет утро...

Бузько сидел на раскладном стульчике, не зная, куда девать свои изрядно потяжелевшие после марш-броска и боя ноги. Перед ним, тщательно выбритый, благоухающий парфюмерией и посверкивающий белозубой улыбкой, прохаживался сам *провиднык* Кульчицкий.

– Что ж, хорунжий, сегодня ваш день, – внимательно взглянув на Бузько, негромко проговорил он.

Бузько попробовал подняться, но *провиднык* жестом остановил его:

– Прошу пана не вставать. Вы слишком устали сегодня. Я предлагаю вам работу, связанную с заграничными командировками, – сладко прищурившись, интимно сообщил он. – Вы бывали за границей?

– Один раз. В Польше. По путевке выходного дня...

– Негусто! – усмехнулся Кульчицкий.

– Да какие, к чертовой маме, поездки, пане *провиднык*! – прорвалась в голосе Бузько давняя затаенная обида. – На

зарплату не разгуляешься – хорошо, что еду́ со скидкой в супермаркете, где работаю, разрешают покупать... А сестра в Италию уехала – за старухой-маразматичкой ухаживает...

Хорунжий испуганно взглянул на Кульчицкого: не слишком ли много он наговорил?

Кульчицкий сжал локоть соратника и внушительно проговорил:

– Все очень скоро изменится, *Сашко*...

От этого дружеского обращения по имени у Бузько стало тепло на душе.

– Изменится в самую лучшую сторону, – добавил *провидник*. – Так я могу считать, что вы согласны?

– Да, разумеется, – взяв себя в руки, ответил хорунжий. – А куда мне придется ездить в командировки?

– Кстати, в Италию, – небрежно ответил Кульчицкий. – Заодно повидаетесь с сестрой...

* * *

Воины в строю не равны тому же числу воинов, рассыпанных по полю боя. Строй, шеренга воинов способна сокрушить превосходящие силы противника, если те рассыпаны в пространстве. Оружие равной силы и равной эффективности, соединенное в мощь шеренги, строя, – это огромная сила. Государства и армии развиваются параллельно: чем сильнее держава, тем сильнее ее воины, спаянные общим делом.

Но бывает и так, что государство бросает свою армию на произвол судьбы, и тогда случается порой непредвиденное...

Артем поддержнул джинсы и уселся на заезженную задницами приезжих лавочку, чертыхнулся: он ведь не в форменных брюках, джинсы можно не поддерживать. Такое преимущество есть у нищих гражданских людей. А вот у богатых этого преимущества снова нет – при мягкой посадке им тоже приходится поддерживать драгоценные натурально шерстяные брючины.

Совсем недавно, только месяц назад, были батальонные учения, чад выхлопа бэтээров, короткий лай команд, стремительная атака, штурмовая группа на тросах срывалась из-под вертолетного брюха. Только месяц назад командующий сухопутными силами вручал капитану Тарасову почетную грамоту и жал руку... А сегодня на камуфляжных плечах вместо звездочек – позорные дырки. И ледяной сквозняк в карманах, несмотря на сугубо летнее время...

Артем пошарил в брючном кармане: враки – завалилась мелочь на метро. Впрочем, до общаги и пешком дойти можно. А это уже лучше: помятый, будто с перепоя, Петр Великий явился. Пятьсот рублей – не шутка для капитана-отставника. Можно купить водки и закуски, хорошо выпить, сидя на лавочке и наблюдая за такими же неудачниками и бездельниками, которые шастают по городу в поисках дешевых, а лучше – бесплатных развлечений для сирых и убогих. Водку можно взять даже не самую хреновую, к ней колбасы

и хлеба, кетчуп какой-нибудь – вот тебе твои пятьсот кровных, отечественных. Гуляй, товарищ офицер, и помни доброту тех, кто главнее тебя звездами и чинами!..

Сумерки пришли на мягких кошачьих лапах. Замерцала вывеска продуктового: мертвенная синева облила витрину с выставленными колбасами и сырами. Все так похоже на покойницкую! Или на картину усатого жулика Сальвадора Дали. И народ бездельный шлепает по своим делам – вдоль по улице мостовой, фланирующим шагом, кто с подскоком, а кто и ножку подволакивает. И наблюдает за ними унылый тип на лавочке с погасшей сигаретой в пальцах – Артем Тарасов, капитан Российских Вооруженных сил. Человек без адреса и почти без имени – капитан в отставке...

Можно сейчас позвонить по мобильному – кому-нибудь и куда-нибудь, только кроме вялого приглашения выпить ничего путного от друзей-приятелей не дождешься. Лучше уж самому...

Подсела девушка в дешевом броском макияже, заинтересованно оглядела ладную фигуру Артема, его скуластую физиономию, подбородок, усыпанный трехдневной щетиной. Крылья носа девицы раздулись – она потянула воздух, зевнула и поднялась с лавочки. От случайного типа не пахло ни деньгами, ни развлечениями – от него пахло унынием и мужской тоской. Процокали каблуки.

«Да пошла ты! – устало подумал Артем. – Не очень-то и хотелось...»

И капитан Тарасов снова задумался – на этот раз о превратностях личной жизни, которая тоже почему-то резко обламывается сразу после отставки.

«И взаправду, что ли, водки выпить?»

– Эй, Теман! Теман, блин! Заснул ты, что ли?!

Перед Артемом стоял мужчина солидного вида и, уперев кулак в бедро, нависал прямо из сумерек, улыбаясь толстой рожей.

– Не может быть! – поразился Тарасов. – Савельев?! Пашка?!

– Он самый, – кивнул толстяк.

– Ты что ж толстый, как бегемот? Вроде, когда в батальоне служил, жиру столько на себе не носил, – поднимаясь и горячо пожимая приятелю руку, проговорил Артем.

– Кушаю хорошо, – скромно опустил глаза Пашка, а потом добавил: – И часто...

«Ну Савельев! Ну обормот! – мысленно восхитился Артем. – Костюм дорогой, рожа – как не треснет, водитель личный... Ну сучонок! Ну бывший командир автомобильной роты, мать его! Полтора года как уволился – и уже на джипе...»

– Ты чего здесь? – спросил Савельев, порыскав глазками по сторонам. – Не пьяный, смотрю... Чего расселся, а, Теман? Кого-то ждешь?

– Трамвая, – пошутил Артем и толкнул товарища в бок. – Подвезешь?

– Конечно! Сам хотел предложить! – спохватился Савельев и взял Тарасова под локоть.

Они двинулись по аллейке мимо продуктового к шелестящей шиной улице.

– Как ты меня вычислил? – любопытно спросил Артем.

– Да водила мой – он из прапоров батальонных, тоже бывший – увидел тебя. Я его за минералкой в магазин послал, а он прибегает и говорит: «Там товарищ капитан Тарасов на лавочке сидит!» Понимаешь, как служилый сообщает: «Товарищ капитан Тарасов!» Да, бывали времена, шорох ты наводил в батальоне немалый... Думаю, дай схожу гляну на такой интересный цирк – как там Тарасов на лавочке с бомжами сидит...

Наехав мощными колесами на бровку тротуара, прямо перед ними красовался грузный черный джип. Водила в кожанке курил, картинно опершись на бампер.

– Круто ездешь, – буркнул Артем. – Сразу видно: мы оба – российские офицеры в отставке...

Савельев скромно пожал толстыми плечами и никак не отреагировал на тарасовскую иронию.

– Здравия желаю, товарищ капитан! – бросив пристальный взгляд на прикид Артема, сказал водила, отшвырнул окурки и полез на свое место. Тарасов кивнул в ответ.

Радужным жестом Пашка распахнул дверцу, и его глаза при этом совсем исчезли за сальными щеками и широкой губастой улыбкой. Что-то задумал неугомонный старший лей-

тенант Савельев, не иначе... Впрочем, Пашкины хитрости Артема сейчас заботили меньше всего.

– Куда везти?

– Прямо, по Ленинградскому проспекту, потом свернем на Скаковую. Я там живу, в районе ипподрома.

– Квартира?

– В общежитии пока. До конца месяца. Искал в Москве работу – толком ничего не нашел... А там видно будет. Выгонят, наверное, – оно типа ведомственное...

Беседа продолжилась в пахнущем кожей салоне автомобиля. Легкая музыка булькала из-под сидений, пузырящейся струйкой стекала с потолка. Водила осторожно, но настойчиво протискивался в потоке машин.

– Давно из части? – поинтересовался Пашка.

– Больше месяца.

– Подъемные дали?

– Проел уже почти. Всю сумму не выплатили – «потом», сказали. Сам знаешь, что это «потом» означает...

– Да уж, – согласился Савельев и задымил сигаретой. – И ты кури, Теман, не стесняйся, – предложил он.

Звуки проспекта не проникали в герметичное нутро автомобиля. Хорошо вот так ехать и ни о чем не думать, только дым из ноздрей в пол пускать...

Сыграл что-то бравурное Пашкин мобильный. Тот взглянул на дисплей и отключился.

– Куда думаешь дальше? – спросил Савельев.

– Домой.

– А где дом-то?

– В Уфе.

– Где?! – искренне поразился Пашка.

– В Уфе, говорю.

– Баш-кор-то-стан, – усмехаясь во весь рот, по слогам произнес Савельев. – Мать там, что ли? Ты ж давно в разводе, если я правильно помню...

– Все ты правильно помнишь, – хмуро отозвался Артем. – Тетка в Уфе живет.

– И что ты будешь там делать, а?

– В военкомат работать пойду, – зло бросил Тарасов.

– Тю-тю-тю! – присвистнул Пашка. – Расхватали – не берут! Держи карман шире! Хрен ты кому сдался в военкомате – да и вообще в Уфе... – Савельев вдруг посерьезнел и после паузы проговорил: – Слушай, Теман, давай-ка ко мне на работу.

Внимательный взгляд Пашки ввинтился Тарасову в лицо. Слишком много всего было в этом взгляде – и светлого, и темного, и лукавого.

– Чем занимаешься? – беспечно спросил Артем.

– Охранное агентство у меня, – сообщил Пашка. – Полный набор: сыщики, адвокаты, аналитики, телохранители.

– Это все за год с небольшим?

– А то, – ответил Савельев.

– А как держишься против конкурентов? – спросил Ар-

тем. – Охранных агентств в Москве ведь много. Не жмут?
– Бог помогает. По братской силе, – буркнул Савельев, гася окурков в пепельнице. – Ну, так продолжим разговор?
– Пожалуй, – кивнул Тарасов.
– Поворачивай, Колян! Не хрен капитану Тарасову на Скаковой делать, – скомандовал Пашка водителю и хлопнул Артема волосатой лапой по плечу. – Ко мне домой заедем, там и разговор договорим. Ладушки? А в Уфе пускай Земфира живет!

* * *

Устроился командир автомобильной роты весьма шикарно. За бронированной дверью крупногабаритной квартиры был дорогой, рассчитанный до мелочей уют. Прозрачный пластик, паркетный пол, бамбуковые занавеси и бронзовые вазы, кальян, восточные ковры и очень много техники.

Артем прошелся по надраенному до блеска паркету, заглянул в дышащую бархатом и уютом гостиную, окинул взглядом лепнину на потолке. В огромном – до потолка – зеркале увидел свое жалкое отражение и смутился. Не красавец, но и не дурной наружности, правда, одет не особо и в глазах собачья тоска. По этой тоске в глазах его Пашка и вычислил. Вычислил и сладкую наживку забросил. Терять-то все равно нечего. Можно и в телохранители податься – квалификация вполне позволяет. Да и послужной список непло-

хой: Таджикистан, Чечня, Осетия. Орден, медали, почетные грамоты. Не был, не участвовал, не привлекался...

– Собой, любимым, любишься? – окликнул его Пашка, вернувшийся из ванной с мокрой головой. – Присаживайся, товарищ капитан Тарасов, вон на тот диванчик. Жрать хочешь?

– Перекусил уже.

– А коньяк под жареные орешки?

– Налей понемножку...

Они уселись на угловом диване под мягко светящей лампой. Картина маслом, висящая напротив, смотрела на гостя косым, налившимся кровью конским глазом. Художник – вероятно, большой любитель животных – изобразил сцену из рыцарских времен, но немного перестарался: кони, бугрящиеся мышцами и машущие гривами, заслонили своих закованных в латы невыразительных всадников. Кажется, вот сейчас скакуны сбросят с седел тяжелых жестяных вояк и помчатся галопом, быстро, свободно и сильно, прочь с поля боя...

Звякнуло горлышко пузатой бутылки о хрустальную рюмку.

– Как говорят наши заграничные друзья и коллеги, «будь-мо!» – провозгласил Савельев, высоко держа кажущуюся крошечной рюмку в своей хватистой лапе.

– Твое здоровье, – добавил Артем и опрокинул удушающе-ароматный напиток в горло.

Хороший коньяк пил сукин сын Пашка! Приятели бросили в рот по орешку и налили по второй.

– Так вот о чем будет наш разговор, – промокнув губы салфеткой, сообщил Пашка. – Моя «Армада» – так агентство называется – охранно-сыскными делами постольку, поскольку занимается... Заметь, я с тобой как офицер с офицером говорю – без выкрутасов этих педерастических. Мы ж не политики, правильно, Теман? Так вот. Понятное дело, отслеживание-фотографирование-видеосъемка тоже бабки приносят. Но не такие, чтобы из-за них жопу рвать. Ну, сняли «свадебное видео» про то, как молодая супруга через год совместной жизни с другом семьи трахается. Ну, вручили за бабки счастливому, но уже кое-что подозревающему супругу. Ну, в суд как свидетели ходили... Не то это, Теман, понимаешь? Мерки и мысли у меня другие...

– Ты в автороте мыслей набрался? – закуривая, с иронией спросил Тарасов.

– А хоть бы и в автороте! – с жаром проговорил Пашка. – Мы ж в «Гамме» служили, а не в стройбате, а, капитан?..

Снова потек по рюмкам коньяк. Выпили.

– Начиналось-то все очень скромно – оба мои сотрудника пропавшего кота искали. Одна старуха богатая, уж не знаю как, потеряла своего любимого сиамца; ну и обратилась к нам. А мы, как молодая подающая надежды фирма, заказ тотчас приняли и взялись исполнять...

Пашка помолчал, пожевал губами, зыркнул исподлобья на

Тарасова и продолжал:

– Ищут мои молодцы кота – все помойки перерыли: на лбу испарина, на темечке банановая кожа, а курвий сын сиамец где-то скрывается от правосудия... Вдруг заявляется ко мне один знакомый – он в штабе 54-й дивизии служил, не знаешь ты его, – заявляется и говорит: нужна помощь. Я в ответ: за наличные. Он: без вопросов... Короче, кое-кому наверху, – Пашка ткнул в потолок толстым пальцем, – понадобилось кое-кого приструнить, но неофициально, интимно, понимаешь? Не через бандитов, которые уже завтра заказчика с потрохами ментам и гэбухе сдадут, а через надежных людей с серьезной армейской подготовкой, которые по роду занятий к многословию не склонны. А это значит – через мою «Армаду»!

– Дальше понятно, – кивнул Тарасов. – И пошли мелкие поручения одно за другим...

– А потом и крупные, – кивнул Пашка. – Первое дельце я сам обтяпал: сотрудникам не доверил. Да и дело плевое было – даже без стрельбы обошлось... Потом, конечно, подтянулись к «Армаде» реальные профи – адвокаты нахрапистые, из молодых, непуганых, эксперты всякие – правда, эти по договору работают, иногда. И секретаршу держу! – гыгыкнул Савельев. – От простуды и для простаты!.. Офис хороший, ремонт, машинки для разездов. Так и дневной клиент валом повалил – видит же народ, что агентство поднимается, растет, на перспективу работает. Так что, – поглубже усев-

шись в кресло, заключил хозяин, – живем двойной жизнью, а иногда и тройной, но живем неплохо.

– Согласен, – чтобы не разводить дальнейшую словесную канитель, проговорил Артем и потянулся за бутылкой. – Пашка, орешков бы ты еще принес – коньяк еще остался, а загрызть нечем... Только сразу скажу: убивать я не хочу. Разве что подстрелить для ума...

Пашка промычал что-то маловразумительное, погасил свои хитрые глазки, откинулся на спинку сиденья и благодушно взглянул в окно. Рыбка была на крючке – так думал Пашка. Да, признаться, отставник оказался легкой добычей – рыбка сама пошла на крючок. Неинтересен теперь стал Артем шефу «Армады». Неинтересен, потому что понятен.

* * *

– Теман, здорово! – вместе с солнечным светом прорезался Пашкин голос в мобильном. – Выспался, пьянь?

Савельев шутил, только вот голос у него был напряженный.

– Говори, что там у тебя за спешка, – спуская ноги с дивана, сонным голосом просвистел в трубку Тарасов.

– Раз ты на месте, я приеду через полчаса. Не хочу по телефону, – с заметным облегчением проговорил Пашка и отключился.

Явился он не через полчаса, а через сорок минут – в проб-

ке застрял, да удачно закоулками вывернулся. Вид у Савельева был явно виноватый, и причем по-настоящему, а не напоказ.

– Дело тут одно созрело, – топчась у окна и поминутно поглядывая из-за занавески на мир божий, сообщил Пашка. – Спешное.

– Давай расклад, – видя суету и опаску приятеля, буркнул Артем.

Савельев наконец оторвался от окна и подошел поближе.

– Сейчас тебя мой водила отвезет на станцию Люберцы. Там ты сядешь на поезд Казань – Москва...

Дослушав Пашку до конца, Артем только головой покачал. В опасную историю ему придется впутаться. В опасную и непредсказуемую...

– Запутали меня, понимаешь? – пояснил Пашка, тревожно заглядывая в глаза Тарасову. – Сам распутаться не смогу, понимаешь?

Владелец уважаемой конторы просил о помощи отставника, и жаль было его – того самого Пашку, который вчера выглядел хозяином хитросплетенной московской жизни.

Уже у самой двери Савельев почти жалобно добавил:

– Ствол тебе не даю – сам понимаешь...

– Чего тут непонятного, – сказал Артем. – Один и без оружия. Классика.

– Вот-вот, классика! – обрадовался шутке Пашка. – С водилой разговоров не разговаривай – не в курсе он, да ему и

не надо. Возьми вот денег – на представительские, так сказать, расходы...

* * *

На поезд Артем сел без проблем – один из группы желающих добраться до Белокаменной. За минуту, пока поезд стоял на станции, хваткая проводница успела утрясти вопрос с бригадиром и махнула красной лапищей жаждущим путешествовать без билета. Деньги хозяйка восьмого вагона собрала прямо в тамбуре и махнула в свою каморку – то ли допивать вчерашнюю водку, то ли сортировать мелкий товар, прихваченный по случаю в Казани.

Артем как был, налегке, поместился в тамбуре между толстой теткой с двумя необъятными клеенчатыми сумками и крашенной под блондинку девицей неопределенных лет и стал наблюдать, как платформа дернулась и поползла назад.

Третье купе. Места девятое и десятое...

Вагон тряхнуло на стыке, и фальшивая блондинка ткнулась острой грудью в бок Артему.

– Извините! – без тени смущения протянула она. – И когда уже приедем?

– Извини, я из голубых, – интимно шепнул Тарасов в розовое остренькое ушко, и блондинка шарахнулась в угол тамбура.

Закурила толстая тетка, придерживая коленкой норовящую съехать на прыгающий пол сумку.

Артем весело взглянул в глаза крашеной, открыл дверь и вошел в вагон, зафиксировав взглядом стоп-кран. Дверь служебного купе была приоткрыта.

– Ты чего в вагон вперся? – прикрикнула глазастая проводница.

– Сколько народу у тебя, хозяйка, в третьем купе едет? – опершись на ручку, служебным голосом спросил Тарасов.

В блеклых глазах проводницы блеснуло мгновенное понимание.

– Трое, – быстро ответила она. – Двое ребят вежливых, от самой Казани едут. И хмырь в очках.

– Спасибо, – кивнул Артем. – Только никому! – И приложил палец к губам.

– Чудные вы, ребята! – полушепотом проговорила проводница. – Сразу в Казани двое сели, удостоверения предъявили. А ты – подкрепление, что ли? Нет чтобы ксиву показать – в тамбур с мешочниками полез... Меня-то хоть не сдавай, что за деньги до Москвы прокатила... А что, те ребята из третьего купе, натворили чего? Или хмыря в очках ловите?

– Кого надо, того и ловим, – парировал Тарасов и веско пояснил: – То милиция, а я из ФСБ. Третий отдел, слыхала? – прибавил для особой весомости.

– Опять в понятия потащите! – с досадой пробормотала

проводница, в душе проклиная и милицию, и третий отдел. – Ну маршрут, блин!.. Слышь, командир! – окликнула. – Вдруг стрелять, так ты в мясо целишься – стекла не дырявь, а то мне чинить на свои деньги придется. Порядки у нас на маршруте, понимаешь, такие...

«Помогла военная выправка, – усмехнулся про себя Тарасов. – Пройдусь, погляжу, что и как...»

Он двинулся по проходу вагона, встал напротив закрытой двери третьего купе, посторонился, пропуская мамашу с сопливым зареванным малышом, торопящуюся в туалет, глянул в окно. Пакгаузы. Насыпи. Перелески.

Час езды. Точнее, час и десять минут.

* * *

– Я тебе в сотый раз объясняю – не бывает так, чтобы медведь сам из берлоги под стволы полез! – толковал веснушчатый бритоголовый парень в спортивном костюме, свесившись с верхней полки.

– Ты книжки почитай – там написано! – горячился сидящий на нижней полке крепыш в кожанке, со съехавшими на кончик курносого носа солнцезащитными очками.

– Что мне книжки читать – я у Тохи в Барнауле на свадьбе был! – гнул свое веснушчатый. – На третий день он особых корешей на медведя повез. Ты ж Тоху знаешь – без крыши пацан, в натуре! И там...

– Все равно гонишь! – возразил крепыш, натаскивая свои очки обратно на глаза.

– Приедем назад в Казань – у Баграма спросишь! Тогда, ну в Барнауле, у Баграма «калаш» был. Он встал напротив дырки в земле...

– «Калаш»?

– Придурок! Баграм встал...

– Ребята, можно не орать? – пискнул с нижней полки напротив помятый седой тип в очках, отрываясь от газеты. – С самой Казани спорите, а чего спорите...

– Засохни в натуре, дядя! – миролюбиво сказал крепыш.

– Ну почему вы с проводницей можете вежливо разговаривать, а с попутчиком – нет? – не унимался хмырь.

Веснушчатый только махнул рукой – достал уже совсем! – и продолжал:

– Баграм, значит, говорит...

Очкастый застонал и прикрылся газетой.

За время пути веснушчатый Кеша и кожаный Батончик, бывшие рэкетеры с казанского Центрального вещевого рынка, а ныне безработные, подружились и успели дважды крепко выпить и раз пять крепко поссориться. Энергия перла наружу. Москва приближалась, а с ней и конец путешествия. «Взяли моду рынки реконструировать, козлы! – горячился Кеша. – С Москвы, не иначе, моду срисовали – там вон тоже Черкизовский прикрыли. Кому эти павильоны-мавильоны нужны?! Суки!» Сердит был и Батончик: «Бригадир мне

и говорит: канай, Батончик, куда знаешь, а место твое прогорело! Козел...»

В новое дело Кешу втянул Батончик – дело было взаправду новое и со вкусом опасности. Тот самый бригадир рыночной рэкетни сжалился над незавидной долей уволенных в запас бойцов и нашел для парней мужскую работу на две штуки баксов. Батончику уже доводилось ездить курьером с грузом наркоты, но за наркоту так круто не платили. Поэтому, презрев сообщенное свистящим бригадирским шепотом предупреждение, он, едва поезд тронулся, вскрыл облепленный скотчем картонный ящик и присвистнул. В ящике, упакованные в полиэтилен, лежали блестящие мелкие камешки, в которых опытный Батончик признал необработанные алмазы. Дело было опаснее, чем думалось, и стволы, прихваченные на всякий случай, не казались больше данью традиции. От Кешы Батончик скрыл, что за груз они везут, а сам не спал ночью, прислушиваясь к перестуку колес, сопению напарника и храпу очкастого козла напротив. Мирные пассажиры, едущие в соседних купе, стали казаться Батончику подозрительными. Такие грузы не возят простые бойцы. Не иначе, кто-то пасет их в поезде. И передача груза должна состояться не на вокзале, а на Якиманке. Это для того, чтобы отрезать «хвост», если таковой прицепится.

«Ну бригадир, ну хитрожопый! – лихорадочно размышлял Батончик, уставший пить водку и спорить с неумемным Кешей. – Знал, кого послать! И с грузом через город переть-

ся – это ж какие нервы надо иметь! На метро ехать? Или частника взять? В метро могут менты тормознуть, а частник может морды запомнить и при случае ментам фоторобот нарисует... да что это я про фоторобот! Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить... Вот ситуация! Но и бабки неплохие... Сука бригадир!»

Батончик поделился бы информацией с напарником – в тамбуре, на перекуре, только ведь неумный Кеша обязательно начнет вопросы задавать, а хрен с газетой услышит... Может, это мент какой? Недаром он с самой Казани на них пялится. Запоминает... Однако, взглянув на пасмурную рожу недовольного попутчиками пассажира, Батончик успокаивался. В таком возрасте в ментовке разве что сторожем можно работать. Хотя хрен их знает, ментов, с подначками ихними злыми...

Батончик очнулся – Кеша увлеченно частил:

– И тут Баграм – кровь горячая! – очередь пустил, мишке поперек живота...

– Мишка дурак оказался, – вернулся в русло разговора Батончик.

– Что?! – затыкаясь, оторопело спросил Кеша.

– Мика, говорю, лоханулся. Он что, «калаш» от «тулки» не отличает? – проговорил Батончик. – Сидел бы себе в берлоге – он же в шубе теплой...

– Ну я ж и говорю! – просиял Кеша. – Мишка – брык! Пацаны – за ножи, чтоб, типа, с теплого шкуру снимать...

В дверь купе осторожно постучали.

– Ей-то чего надо, козе этой толстой? – вскинулся Кеша.

Батончик нахмурился и привычным движением ощупал под мышкой кобуру. Кеша, похоже, свой ствол из сумки и не доставал.

– Шумите и всем мешаете нормально ехать, – не замедлил прокомментировать из-за своей газеты хмырь. – Пусть хоть проводница вам замечание сделает...

* * *

Артем взглянул на часы. Скоро поезд вкатится в полосу отчуждения. Поплыли за окнами неухоженные загибающиеся поселки. Ничего, скоро пейзаж повеселее станет...

Он стоял вполоборота к третьему купе, откуда доносились голоса, еще раз мысленно шлифуя план действий. Все просто – военный фактор неожиданности срывает всегда.

«С началом новой карьеры тебя, товарищ капитан! – поздравил себя Тарасов. – Ну с богом, подразделение! Двинуты!»

Он сдержанно постучал в двери купе.

Надпочечники исправно впрыснули в кровь адреналин. Мышцы Артема напряглись, сердце застучало быстрее. Мысль заработала ясно и четко.

Голоса смолкли. Дверь купе отъехала ровно настолько, чтобы стало видно круглую голову, украшенную темными

очками.

Плечом распахивая дверь до упора, Артем ударил лбом, целясь в то место, где над очками начинался покаты́й бритый лоб. Тип с грохотом обрушился на откинутый столик. Заорали и заматерились в соседнем купе... Тарасов нанес еще удар – пяткой.

На верхней полке шевельнулось темное. Артем ввинтил сцепленные в замок кулаки во что-то мягкое, вцепился в одежду, рванул. Ошалевший Кеша с воплем кубарем скатился на столик. Не давая противнику передышки, Тарасов дослал его на пол и с хрустом приложился коленями к Кешиной шее.

Все заняло не больше пяти секунд.

– Ну хоть вы их приструнили, товарищ, – сдавленно прокрипел из-за газеты хмырь.

Окинув купе беглым взглядом, Артем ощупал бездыханных бойцов, выдернул из-под кожанки Батончика пистолет. Под сиденьем дышали колбасным духом спортивные сумки. Артем взвесил на руке первую сумку и тотчас отбросил – она была слишком легкой. Из второй полетели грязные трусы, блок сигарет, кожаный ремень... На дне, обмотанная ветхой тканью, лежала картонная коробка размером с обувную. Тарасов встряхнул коробку: времени разглядывать добычу не было.

Хмырь забился в угол, поджав ноги, и пялился сквозь очки на эту дикую сцену.

В проходе вагона кто-то матерился. Провизжала проводница.

Артем сунул коробку под мышку и вымахнул в коридор, чуть не сбив с ног грузного дядьку с красным гневным лицом и выпученными глазами. Проводница шарахнулась от него в свой закуток.

Артем выскочил в тамбур и сорвал стоп-кран.

* * *

Получив ослепительный удар в лицо, Батончик на мгновение потерял ориентацию в пространстве. Рука, дернувшаяся к кобуре, будто где-то затерялась, исчезла. Второй удар опрокинул его в полную темноту с редкими, мерцающими прямо из космических глубин звездами. «Камешки, б... – пронеслось в его потухающем сознании. – Завалит теперь бригадир, б...»

Кеша, лежащий поперек обмякшего Батончика, больше не дышал – душа покинула его молодое тело, неслышно похрустывающее сломанными шейными позвонками, когда вагон подбрасывало на стыке рельсов.

* * *

Он уходил по откосу в сторону ближней лесополосы, чув-

ствуя незащитность своей спины. Душно воняла мазутом жухлая трава. Зеленая линия состава пересекала небо, как скрученная лента.

Запоздало, уже где-то на краю слуха, залился соловьем свисток – линейные менты спешили в восьмой вагон.

Погони не будет – сейчас поездная бригада разблокирует состав, и Казань – Москва тронется, а менты тупо доложат по начальству. На платформе вокзала восьмой вагон будет ждать ментовская оперативная машина и труповозка, а может, и пара съемочных групп, работающих для невыветривающихся горячих новостей.

Если проводница ничего не спутала, курьеров вели сотрудники в штатском. Вот эти прохлопали по полной: их вздрючат по самому серьезному масштабу. Фоторобот от глазастой проводницы гарантирован. Черт с ним... Интересно, тот пассажир, что сидел в углу, намочил штаны или нет?..

Когда Артем был в полукилометре от железнодорожного полотна, прозвучал длинный свисток, и состав с трупом и раненым на борту тронулся догонять график.

Тарасов активировал предусмотрительно отключенный мобильный и доложил нервно алекнувшему Пашке:

– Коробка у меня. Прошло без осложнений.

Вместо слов ободрения и благодарности Пашка проорал что-то совершенно невероятное:

– Выбрось сейчас же сраный контейнер! Выбрось! Это дурилка! Стекло! Гранулят!.. И возвращайся в Москву!.. Все,

отбой!

Глава третья

Разгром

*Und sollte mir ein Leid gescheh'n
Wer wird bei der Laterne stehen
Mit dir Lili Marleen?*

«Lili Marleen»¹¹

Разгром «Гаммы» был не похож на простое сокращение штатов, вызванное упадком финансов и всеобщим государственным унижением. Кто-то сидящий высоко наверху сделал вполне определенный жест: спецбатальон – непозволительная роскошь для бюджета. Достаточно «Альфы» и «Беты» – отдельный спецбатальон «Гамма» должен исчезнуть, и хватит этой греческой премудрости, сами с усами...

...Застопорились автомобильные моторы. Заперли и опечатали оружейную комнату. Потрескалась краска конструкций на полосе препятствий. Развезли по другим войсковым частям солдат и сержантов-срочников. Бэтээры сдавали на консервацию – со стороны автопарка слышался отборный мат зампотеха и гул прогреваемых моторов.

Со стороны трассы мигнули проблесковые маячки, и в обрुшившейся с неба мгновенной тишине послышался ровный

¹¹ И если со мной приключится беда, Кто будет стоять у фонаря С тобой, Лили Марлен? «Лили Марлен», немецкая песня (нем.).

рокот моторов. Ехало большое московское начальство. Полковник Дребезов – комбат – выстроил офицеров и прапорщиков на плацу, потоптался на ступеньках штаба, поправил фуражку. Он предпочел бы в одиночку взять захваченный боевиками жилой дом, чем тянуться в струнку перед московским начальством. Свежевыбритые лейтенанты-ассистенты вынесли из здания штаба батальонное знамя – честный боевой триколор с георгиевской ленточкой на древке.

Стоящий рядом с Артемом старлей по прозвищу Свисток ткнул того локтем в бок:

– Видал батину рожу?

– А что? – шепотом спросил Тарасов.

– Как в воду опущенный, – пояснил Свисток.

– Москва едет – ни хрена хорошего не предвидится, – согласился Артем.

– В прошлый раз... – начал было Свисток, но тут комбат выпятил грудь и скомандовал:

– Батальон! Смир-р-на! Равнение напр-р-ра-во!

Показался кортеж гостей. Впереди катил черный «Мерседес» с мигалкой, за ним вплотную два черных джипа.

– Круто подъезжают большие звезды, – буркнул, держа равнение, Свисток.

На тяжелом лице Дребезова изобразилась мука. Знаменосец и ассистент замерли рядом с колышущимся на ветру знаменем. Молчал на куцем плацу по ниточке выровненный камуфляжный строй «Гаммы».

Кортеж обогнул круглую клумбу, на которой до сих пор не удалось вырастить ничего, кроме кустистой травки, и остановился, словно натолкнувшись на невидимую преграду.

Гранитной глыбой встал правительственный «Мерседес». Из приткнувшегося ему в затылок джипа выпрыгнул бойкий молодой полковник, чертиком подбежал к задней дверце «Мерседеса», бережно распахнул...

Министр обороны, сухощавый мужчина неопределенной внешности в штатском костюме, выпростал ногу в лакированной туфле и выбрался на плац. Из джипов выгружалась свита с папками, портфелями и ноутбуками. Половина Генштаба явилась.

Лицо у министра было скучающим: расформирование боевых подразделений за последний год стало для него рутинной. Он кивнул напряженному как струна командиру «Гаммы» и встал как раз напротив строя офицеров и прапорщиков. Следом тронулась блестящая свита.

– Здравствуйте, товарищи! – вяло провозгласил министр, и после положенной секундной задержки строй оглушительно грянул:

– Здра-жа-тарищ-министр!

Прежний министр, тот хоть и волонтарист, но все-таки был генерал, вроде бы свой, а этот... черт его знает, штатского. Что он понимает в армейских нуждах? А под пулями он хоть ротой командовал? А чем спецподразделение отличается от обычного мотострелкового батальона? Чем отли-

чается боевая задача, стоящая перед пехотным командиром и перед «батей» спецов?

Министр оглядел бравых бойцов «Гаммы» и изобразил на лице удовольствие. Хорошо смотрелись каменные лица бойцов – даже с сугубо штатской точки зрения.

Процедура общения скомкалась. Офицерам и прапорщикам скомандовали «Вольно! Разойтись!», и батя, окруженный свитскими военными, принялся что-то втолковывать министру. Тот кивал с гнусной интеллигентской ухмылочкой: мол, сами понимаем, но времена-то какие, и давайте-ка переместим нашу беседу в помещение, а то на воздухе слишком уж неформально получается, да-с... Беседа продолжалась минут пять, потом министр и свита втянулись в здание штаба.

– Знамя-то для прощания вынесли, не иначе, – выдувая через ноздри сигаретный дым, сказал Свисток.

Артем пожал плечами: после отправки срочников все было понятно и без комментариев. Лихорадочные мысли о поиске работы, которые навязли на зубах, стоило отбросить. Уж очень горький это момент – прощание со знаменем части, и только человек военный способен понять, как это больно и обидно. Живо знамя – жива войсковая часть. В ней может не остаться ни одного человека, но коли есть знамя – пушечное мясо нарастет, и скоро другие встанут под то же полотнище. Но если потеряно знамя, любая войсковая часть подлежит расформированию – будь то даже закаленная в бо-

ях полнокровная дивизия... Но иные времена настали, и в мирные дни растворяются в мутном штатском море боевые единицы, и уходят офицеры в никуда с тощими рюкзаками за спиной...

Небо было серое. Погромыхивал вдалеке гром. Артем стоял на плацу, чувствуя, как по щекам хлещет сырой ветер. Будущее кончилось сегодня.

– Товарищи офицеры! – рявкнул со ступенек штаба комбат. – Просьба подойти!

Сгрудившись у штабного здания, несколько десятков людей приготовились слушать, что скажет батя.

– Товарищи офицеры! – повторил Дребезов. – Алексей Иванович, наш министр, объявил о том, что мы давно ждали: принято решение расформировать батальон «Гамма». Сейчас Алексей Иванович спустится к нам и обратится к вам лично...

Тот самый свитский полковник, в обязанности которого входило услужливо открывать двери начальственного «Мерседеса», подбежал к комбату и что-то прошелестел тому на ухо. Загорелое лицо комбата налилось краской, стало свекольным.

– Ясно, – отрезал Дребезов. – Товарищи офицеры! – повысил он голос. – Господин министр отбывает по срочному делу в Москву. С вами будет иметь беседу полковник... э... э...

– Шаварин, – поспешно вставил свитский.

– Полковник Шаварин! – закончил комбат.

Офицеры «Гаммы» отошли в сторону и наблюдали за тем, как штатский министр с мобильным телефоном у уха и поджатыми губами прошел по ступеням и нырнул в салон «Мерседеса». Следом укатил один из джипов, груженный штабными чинами.

Проводив взглядом кортеж, полковник Шаварин заговорил:

– Товарищи офицеры! Как вам уже известно... – обведя взглядом бойцов, он поспешно закончил: – По приказу министра обороны ваша часть расформировывается. Все уволенные в запас будут обеспечены... ну и так далее... Всего доброго, господа!

И свитский полковник торопливо прошел к джипу.

– Вот и проводили, – резюмировал комбат. – Товарищи офицеры! Прошу в ленинскую комнату. Хоть министр и уехал, а водки выпить все-таки надо...

По знаку Дребезова прапор-писарь внес в «ленинку» один за другим четыре ящика водки. Закуска присутствовала в виде ящика тушенки и нескольких буханок серого пайкового хлеба.

Зазвенели граненые стаканы. Офицеры наливали по полному.

– Товарищи офицеры! – возвысился над общим гулом полковник Дребезов. – Этот сучонок полковник не сказал вам главного: меня уходят вместе с вами. Это чтобы вы не ду-

мали, будто батя остается в «Гамме» остатки говнеца подьедать да матчасть распродавать...

Бойцы загудели.

– А мы так и думали, товарищ полковник! – влез, как всегда, Свисток. На него зашикали.

– Так выпьем, товарищи, за нас с вами – и х... с ними! – провозгласил батя тост и опрокинул стакан.

После первого тоста офицерская пьянка пошла своим чередом. Делились мыслями о будущем, и даже оптимисты были сдержанны.

В дыму и чаду плавали реплики:

– Я – и командовать мотострелковым взводом?! Да ты охренел, лейтенант! Сам иди и команду!

– Генштаб чичеров так и не понял, а если бы понял, в Грозном работали бы не мы, а ракетные войска стратегического назначения! Под корень, под корень, говорю, рубить! И нефтяные скважины эти долбанные – пожечь! С этого начинать надо было!

– Таджики?! К ногтю! Хохлы?! К ногтю! Так мой папаша рассуждал – он в Анголе, между прочим, воевал! Так и я себе мыслю!

– А ты молчи, москвич! Тебе что – к теще на квартиру, и сладкая жизнь... Огурцы на даче растить будешь...

– А Пашка Савельев – сучонок такой – еще год назад ноги сделал! Чуюл, не иначе! Говорят, свой бизнес в Москве закрутил... Может, брешут поганцы?

– Подъемные?! Видел я эти подъемные. И квартиру ты будешь три года ждать – это в лучшем случае, если власть ненароком не поменяется...

– Китайцы попрут скоро! Очень скоро! Попомни мои слова – уже на следующий год казахи помощи против Китая попросят: они до сих пор на верблюдах воюют. Тогда-то мы и понадобится, ребята...

– У хохлов новый президент – вроде нормальный, русский. А то были всякие заморочки насчет Украины перед выборами в 2004-м... Нагни ухо – скажу какие... Да были мы там – двое суток в автобусах под Центризбиркомом проторчали!..

– Кому я, на хрен, на гражданке нужен?! У меня саперного стажа двенадцать лет! Я в Никарагуа растяжки ставил! Я в Эфиопии военным советником был!.. В дворники, что ли, подаваться?! Или в военруки?!

К изрядно подвыпившему Артему подсел командир разведроты, капитан Таганцев.

– Что скис, Теман? Не радуется жизнь?

– Радует, да не с того конца, – гася сигарету в стакане, ответил Тарасов. – Я вообще-то про дембель слегка думал, но чтобы так...

– Предали, суки! В который раз предали! – протягивая руку за новой бутылкой, согласился Таганцев. – Мы-то думали, что «Гамму» не тронут – сам знаешь, кто за нас мазу тянул. А выходит, что не всякая маза держит...

– Ты-то сам куда пойдешь? – поинтересовался Артем.

– Мне одна дорожка, – обреченно сказал Таганцев. – К блатным в помощники. Неплохой из меня помощник, а, Те-ман?

Командирский «газик» и грузовик роты охраны до полуночи развозили по квартирам пьяных офицеров. Полковник Дребезов, твердо держась на ногах, вел учет личному составу: двое, кто покрепче, взяли третьего – повели. А когда все разъехались, он еще долго бродил по опустевшему расположению части с потухшей сигаретой в дрожащих пальцах...

Уже валясь на общежитскую тощую койку, Артем вспомнил, что забыл вернуть полковнику Дребезову занятые на прошлой неделе две тысячи рублей.

* * *

Отличить сырые алмазы от подделки было просто – в коробке, упакованные в пластик, красовались стеклянные кругляши, похожие на крупные бусины. Непонятный расклад. Непонятные Пашкины нервы.

Артем приметил место на пригорке и сунул коробку со стекляшками между корней раскидистого пыльного куста. Пускай полежат – вдруг пригодятся.

Пора было ехать к Пашке за гонораром.

Мобильный прозвенел как-то тревожно. И хотя Тарасов понимал, что звонить по-разному – весело или тревожно – аппарат не может, звук все-таки показался ему нехорошим. Телефон в Артемовом «Самсунге» дребезжал, разрываясь на части, и от его звона на зубах закипала оскомина.

Так и есть – номерок Савельева на дисплее.

– Алло! Алло! – отчаянно завибрировал в мембране неизвестный женский голос. – Вы не знаете, где Паша?!

– Простите, это кто? – спросил Артем.

– Это – алло! – тьфу ты! – Алла! Меня зовут Алла! Я знакомая Паши! Я всем позвонила – вы последний в списке, я даже не знаю, как вас зовут!

«Знакомая, а верещит навроде жены. А может, просто истеричка. Надо будет Пашке сказать, чтобы трахал ее нормально, а не отлынивал с пивом в руках», – подумал Тарасов и проговорил:

– Может, он по уважительной причине отсутствует?

На том конце высморкались, и женский голос уже спокойнее ответил:

– Я пришла к Паше – у меня ключ свой. А дверь открыта! Я вошла – такой разгром! Бардак прямо! Пиджак поперек комнаты лежит. Тумбочка опрокинута. Компьютер включен. Сейф, где Паша пистолет держал, открыт настежь, пустой.

Мобильник на диване – пищит и ползет, как живой... И лампа разбита... А Паша – он порядок любил...

И Алла разревелась в голос.

– Послушайте, девушка, – спокойно сказал Артем. – Сидите в квартире и никуда не выходите. Я приеду. Никому не открывайте. Не звоните никому – я понимаю, как это трудно, но все-таки не звоните. Не отвечайте на телефонные звонки. Я вас по домофону вызову и одновременно Пашкин номер наберу – увидите меня с телефоном и впустите. Договорились? Выпейте спиртного. Я у Пашки в баре бутылки видел... Бар-то хоть цел?

– Ага, – пискнула Алла и отключилась.

«Выбрось контейнер... Это дурилка», – запомнил Артем. И еще припомнилось инженерное слово «гранулят». Голос у Савельева был весьма растрепанный. Раньше за ним такого не замечалось, ни в каком виде. Хотя за полтора года могло многое измениться...

Тарасов отловил частного и попросил отвезти себя на станцию метро «Домодедовская». Оттуда автобусом. Так безопаснее. Менты уже составляют фоторобот на загадочного убийцу...

Крепко попал Савельев. По самое некуда. Нехорошая история с алмазами вышла. Не по Сеньке шапка оказалась. Эх, Пашка!

Алла впустила Артема после второго звонка на мобильный. Она долго изучала его запыленную физиономию и незаглядную одежду. Потом язычок замка щелкнул, и ухоженное парадное впустило гостя.

Оказалась Алла девицей лет тридцати с выкрашенными под цвет воронова крыла жидкими волосами, впалыми висками, морщинками у расплывшихся глаз и сочным большим ртом. Эту заурядную внешность, впрочем, скрашивали босые красивые ноги, которыми Алла, едва кивнув, протопала в гостиную. Советом Артема она воспользовалась – в воздухе за ней тянулась густая коньячная струя.

– Я ничего не трогала, – доложила Алла, потирая кулачками глаза. – Вы Пашин коллега?

– Так точно, – ответил Тарасов, оглядывая комнату. – Не звонили? Не приходили?

Алла отрицательно покачала головой и, отойдя к окну, захныкала:

– Такая опасная работа!.. Я ему говорила... – прорывались сквозь хлюпанье визгливые фразы. – У его друга магазинчик – так хорошо с магазинчиком... А Пашка все – «Армада», «Армада»! Вот и получил... морское сражение... И никто ничего не знает...

Артем осмотрел гостиную. Его учили громить такие кра-

сивые уютные гостиные, хозяева которых перешли дорогу закону, а вот ментовской выучки ему явно недоставало. «Событие преступления, независимо от того, явилось оно результатом общественно опасного действия или бездействия, приводит к тем или иным изменениям в окружающей среде», – припомнил Артем идиотский абзац из собственного конспекта по криминологии, дополнительному предмету, искренне презираемому офицерами спецбатальона «Гамма». Больше ничего полезного по предмету припомнить не удалось.

Никакого особенного бардака в гостиной не было. Следов крови тоже не было заметно. Продрана кожаная обшивка дивана, и поролон торчит. Пепельница перевернута. Одежда разбросана. Распахнут сейф – ни за что не догадаться, что это сейф, если бы не эта открытая черная дверца, торчащая из-под крышки стола. Криво стоит искалеченный торшер в углу. Черный длинный след на паркете...

Артем присел на корточки, провел по черной полосе пальцем: похоже на след от подошвы. Тащили, похоже, Пашку, а он упирался. Расспрашивать соседей глупо: не тот у Артема сейчас вид, чтобы представляться ментом. Да и морду светить после битвы при Люберцах явно не стоит...

Артем выпрямился. От неловкого движения пистолет, нагретый во внутреннем кармане, с грохотом упал на паркет. У Аллы, внимательно наблюдавшей за перемещениями гостя, явственно дернулось поплывшее лицо. Ошалело переводила

она взгляд со ствола на Артема и обратно.

– Савельев не говорил, что у него проблемы по работе? – поднимая оружие и упрятывая его обратно в карман, невозмутимо спросил Тарасов.

– М-м-м... нет, – ответила с испугом Алла. – Он вообще о проблемах со мной никогда не говорил...

«Я бы тоже не стал», – согласился с Пашкой Артем и проговорил:

– Припомните, эсэмэсок никаких странных с утра Савельев не присылал? Записки не находили?

Алла отрицательно мотнула головой.

Присев на продранный диван, Тарасов еще раз огляделся. Забросил руку на спинку, с удовольствием ощутил благородство мягкой кожи.

Что это, черт?!

Ну Пашка, ну, блин, любитель чистоты!

На глазах ошеломленной Аллы Артем вскочил и с усилием потянул диван на себя, развернул, приник к его задней коричневой полированной стенке.

Дрожащим савельевским пальцем по стародавнему слою пыли было выведено: «Метро «Ясенево», Тарусская, дом на углу...» Знакомое вроде место.

– Что там? – перегаром дохнула за плечом любопытная Алла. – Что, что?! Что вы там нашли?!

Тарасов смахнул пыльную надпись и поднялся.

– Ничего особенного. Пыльно там очень, за диваном. Вы

бы тряпочкой протерли...

Алла тупо таращилась на диванную спинку.

– Я проедушь в одно место. Попробуйте совсем успокоиться и ничего не предпринимать, – сказал он внушительно. – Одно скажу точно: Савельев жив. Попытаюсь его извлечь. По старой, так сказать, памяти. Подождите до вечера. Если ни я, ни Пашка не позвоним, можете звонить в милицию. Там спросят, почему так поздно сообщаете. Ответите, что пережили шок и все такое. Не забудьте подпустить слезы в голос – у вас с актерским мастерством все нормально...

Алла проглотила эту пилюлю не поморщившись.

– Но я надеюсь, – закончил Тарасов, идя к двери, – что уже очень скоро вы услышите голос своего дорогого Паши.

– Пойдите! – крикнула вслед Алла. – Мы даже не познакомились!

– Я в суматохе совсем забыл, как меня зовут, – ответил Артем. – И помните: если вы мне что-то недорассказали, то плохо от этого будет прежде всего Савельеву. Привет родителям!

«Мог бы и попримечнее девку себе найти, – с досадой думал Артем, шагая к станции метро. – Из Ярославля вон какие приезжают – кровь с парным молоком... А эта... дура крашенная... Истеричка... А сама ведь знает, похоже, больше, чем говорит...»

* * *

– Отвечай, товарищ дорогой... Быстро отвечай и старательно. Мы очень ждем!

– Да подожди ты со своим «отвечай» – с морды ему скотч отклей!..

Пашка что-то яростно промычал и тут же получил увесистый подзатыльник:

– Не вмешивайся, когда дяди разговаривают!

Когда Савельев пришел в себя, над ним склонялись два хмурых типа служебного вида, чем-то неуловимо напоминающие преемника ельцинской власти.

С треском отлепился скотч. Пашка застонал и пробубнил разбитым ртом:

– А за продранный диван, ребята, вам придется отвечать...

– Ответим! – похлопал его по плечу тот из типов, что был повыше. – Расскажи-ка, кто тебя на казанских курьеров науськал?

– Нам только это надо знать. Скажешь – отпустим, – пообещал тот тип, что был помельче.

Пашка с мукой поднял глаза к потолку. Последний час был не самым лучшим часом в его жизни. Следователь Михальский, сукин сын, позвонил и попросил побеседовать с ребятами из Второго управления. Савельев здорово удивил-

ся – им-то что за прок во внутрirosсийских делах? – но просьбу Михальского как давнего знакомого уважил. И тут снова завопил мобильный. От новости Пашка с размаху сел на тумбочку в прихожей: сырые алмазы, на которые он сделал главную ставку этого года, оказались дурилкой. «Если бы раньше сообщили! – мысленно стонал Савельев. – На хрена ж я деньги трачу!» Очень побеспокоили корыстного Пашку истраченные на операцию с участием Артема кровные деньги. Савельев решил разобраться с этой сизой мутью позднее, а пока сообщил Тарасову печальную новость. То-то небось Артем удивился! Ну да незачем ему знать детали, простому исполнителю...

Загудел домофон. Пашка даже раздеваться не стал – мало времени, да и обещал Михальский, что гости много времени не отнимут. И вот возникли в дверях двое ребят, чей род занятий невозможно спутать ни с чем – серые, неприметные, уверенные. «Здорово!» – широко улыбнулся Пашка и тут же получил профессионально поставленный удар в лицо и резкую подножку. Падая навзничь, Савельев вдруг с ослепительной яркостью понял, что поверил, ошибся, недооценил. Нужно было понять напряжение, прозвучавшее в телефонном голосе Михальского.

«Алмазы... Расслабился... Профессионал гребаный... Ворона...»

Щелкнули наручники на запястьях, и Пашка с неожиданным юмором подумал о том, что эти, в отличие от бандитов,

раскаленным утюгом по голой жопе водить не будут – найдут другие подходы...

Савельев попытался взбрыкнуть ногами, но тут же получил еще один удар в лицо. Били так, чтобы унижить. Пашка рухнул на диван, рванулся – затрещала диванная кожа, – заорал. Гости бесцеремонно стиснули его скулы и широко залепили рот скотчем. Савельеву оставалось только яростно мычать.

Типы переглянулись. Начался обыск – поспешный и не самый профессиональный. Не сообщили гости, что искали: переворовали одежду, вскрыли с ужасающей легкостью оружейный сейф, залезли в компьютер и принялись там яростно шуровать... Припоминая уроки боевых искусств, Пашка лежал смирно и пытался расслабиться. Сейчас бы набрать сучьего иуду Михальского – только вот мобильный вывалился из кармана, да и не позволят псы позвонить. Хотя сделать звонок следовало не Михальскому, который тоже ведь исполнитель, а не босс, а другому человечку, который сидит на Лубянке этажом повыше... Хреново, когда непонятно, а еще хреновее, когда страшно...

Страшно стало Пашке, когда типы, кивнув друг другу, встали над поверженным хозяином и начали прилежно изучать его окровавленное лицо. Савельев прикрыл глаза.

– Прокатимся в одно место – на нашу квартиру, – услышал он тусклый голос. – Ты там бывал вроде... Не будешь вырываться? Обещаешь? А то неохота тебя обездвиживать

и тушкой в машину тащить...

Пашка с готовностью закивал головой. Отсрочка. Есть время подумать...

Савельев протянул скованные руки и замычал: правое запястье совсем посинело. Псы переглянулись и расщелкнули наручники. Один из гостей, широко расставив ноги, стоял напротив, держа руку в кармане.

Чем черт не шутит?

Пашка со стоном растер запястья, потянулся, забросил руки за спинку дивана.

Адрес квартиры возле метро «Ясенево» он помнил хорошо: бывал там с Михальским, допрашивали вместе одного азика. Хорошие были времена, и деньги хорошие... Я спокоен, ребята, я сломался, мне нехорошо и жутко, осталось вывести еще одно слово, Алка, сучка, никогда пыль не вытрет, а от приходящей уборщицы порядка не дождешься...

В машине с затемненными стеклами – снова в наручниках – псы увезли его в неизвестность. И вот – спецквартира с убогой обстановкой, напоминающая гинекологический кабинет, и двое ребят из железной породы ГПУ, которые искренне желают вышибить из шефа охранного агентства нужные сведения. Ничего здесь не изменилось – даже «вахтенный журнал», как шутил Михальский, лежит на том же подоконнике.

– Кто тебя науськал на груз из Казани? Откуда информация? – наседали мелкий, и скулы его нехорошо напряглись.

«Опять по морде, – морщась, тоскливо подумал Пашка. – Взяли моду, блин...»

Второй пес вышел в другую комнату и, плотно прикрыв дверь, принялся кому-то названивать.

– Савельев, ты зарвался, – продолжал мелкий, видимо, раздумав применять силу. – Ты сильно зарвался. Ты забыл, что такое «Армада»? Ты начал хорошо, а потом распустился. Никакой дисциплины. Забыл, кто тебя кормит?

Пашка горестно замотал головой. Вряд ли Алка, дура набитая, обнаружит его послание. Не начала бы трезвонить куда не надо – например в милицию. Таких мутных дел милиция не любит – не их это компетенция, никак нет. Что там Тарасов, пешка для гамбита? Если его взяли, будет молчать – факт. Выбросил ли он контейнер? Одни вопросы без ответов... Мутно цедится свет сквозь жалюзи, и на душе мутно...

– Скажи хоть что-нибудь, а, Савельев? – почти попросил пес. – Мы не менты, перед нами тут понты разводить не надо. Мы простые офицеры с Лубянки... Говори, а?

– Я буду говорить с генералом Прохоровым, а не с тобой, пацан, – сплюнув, глухо ответил Пашка. – Устроили тут, понимаешь...

Мелкий хохотнул и наотмашь ударил Пашку по кадыку. Тот захрипел и откинулся на спинку железного стула, к которому был прикован.

– Это еще не удар ниже пояса, – пояснил мелкий. – Что там? – крикнул он коллеге.

Второй пес возник на пороге, поманил мелкого и что-то прошептал на ухо.

В коридоре прозвучали шаги. Щелкнул замок. И все кубарем покатилося в тартарары...

* * *

Через полтора часа с небольшим Артем вышел из такси у станции метро «Ясенево». Вдалеке виден угловой дом – тот самый, на который указывали Пашкины каракули. И неясно, как выуживать Савельева из ловчих сетей.

С кем придется встретиться? Если Пашку взяли бандиты, что весьма вероятно, то огневого боя не избежать. Ствол без глушителя – соседи, ОМОН, и вообще неприятно. Если менты, что сомнительно – уж очень оперативно сработано, – но если менты, то опять стрельба, ОМОН, и то же самое... Нет, на явочную квартиру арестованного менты не вывозят – в райотдел норовят, ну или в изолятор временного содержания. Явно, спецслужбы шуруют, и это хреновее всего. Алмазы, брат, это тебе не фунт изюма...

У парадного гроздь автомобилей и старушка с клетчатой сумкой на плече и густыми морщинами.

– Добрый день, – сдержанно обратился к местной жительнице Артем. – Вы ничего подозрительного в последние часы не замечали?

– Удостоверение покажете? – блеснули оживлением ста-

рушечьи глазки.

– Покажу, – заверил Тарасов, коснувшись нагрудного кармана куртки. – Так что?

– Да давненько, часа, может, три назад – как раз новости по телевизору показывали, – повели двое третьего в парадное-то.

– Как выглядел тот, которого повели? – хмурясь, настойчиво продолжал Артем.

– Да рыжеватый такой, толстоватый, одет прилично. И лицо у него вроде разбито было, – сообщила старушка. – А вы...

Упреждая вопрос об удостоверении, Тарасов спросил:

– А куда повели, знаете?

– Да есть там на третьем этаже квартирка подозрительная, – пожевав губами, проговорила старушка. – Говорят, там эфэсбэ проживает...

– Спасибо, – кивнул Артем.

– Вы из райотдела? – вдогонку поинтересовалась старушка. – Так они ж не шумят... А удостоверение ваше...

– В следующий раз обязательно покажу, – не оборачиваясь, отозвался Тарасов, ныряя в сырую прохладу парадного.

Он узнал даже больше, чем рассчитывал. Старухины сведения были очень похожи на грустную правду.

Легко взбегая по ступенькам, Артем извлек ствол из внутреннего кармана, снял с предохранителя и сунул в просторный боковой карман куртки – так можно не выпускать из ла-

дони рукоятку. Вприпрыжку промчался мимо подозрительной квартиры, зафиксировав бледный номер «27» и длинную царапину. Воображение уже рисовало узника, слепо цепляющегося за что ни попадя, и бледных ночных сотрудников, влекущих жертву в пыточный зал...

Он был на площадке этажом выше. Щелкнул замок: слух не обманул Артема. Думать некогда. Да и не стоит. Да здравствует импровизация! «Не люблю совпадений», – мелькнула мысль и вовремя спряталась.

Серый типчик в костюме открывал ту самую нехорошую дверь. Он бросил взгляд вниз, на лестничный пролет, поднял глаза...

Артем вихрем налетел на серого, выполнил элементарный захват за шею и врезал типу кулаком по пояснице.

– Придушу! – прошипел Тарасов, разворачивая противника к двери.

Ошарашенный, тот не сопротивлялся.

– Кто еще в квартире?

– Со-сотрудник, – прохрипел тип. – И еще один...

– Савельев?

Тип утвердительно заморгал глазами. Артем перехватил ключи, бросил в карман, потянул на себя дверь.

– Пошли.

Для убедительности он вытащил ствол и вдавил в спину серого. Тот не дергался – вот что значит школа...

В полутемной прихожей был слышен раздраженный вы-

сокий голос второго пса. Придерживая своего пленника, Тарасов боком протиснулся вперед, резко стиснул жилистую шею, отпустил. Звук оседающего тела раздался одновременно с грохотом распахнутой межкомнатной двери.

– Руки за голову! – рыкнул Артем, держа ствол на изготовку.

Стоявший спиной второй пес вздрогнул и начал медленно поднимать руки к затылку. На диване помещался Пашка Савельев в пиджаке с полуоторванным рукавом, с разбитой мордой и отчаянными глазами.

«За импровизации в свое время комбат пять суток гауптвахты давал», – подумал Артем.

– Медленно сними пиджак и брось на пол! – приказал он. Пес повиновался: выбрался из рукавов. Пиджак лег на пол.

– Паша, ствол у него из кобуры достань!

Савельев кряхтя поднялся и скованными руками неловко вытащил из подмышки серого табельный «макаров». Артем подошел на два шага.

– Браслеты с мальчика сними! – Он ткнул серого стволом в крестец.

Упали, звякнув, наручники.

– Ну ты даешь, Теман! – выдохнул Пашка.

– Садись! – скомандовал Тарасов псу.

Тот, снова сцепив руки на затылке в замок, присел на корточки, выпростал ноги и уселся. Нешироко размахнувшись,

Артем ударил серого рукояткой пистолета в затылок. Сотрудник клюнул носом и впечатался физиономией в диван, сполз на пол.

Тем временем освобожденный от наручников Пашка хватил у Артема мобильный, лихорадочно набрал по памяти номер.

– Сдал меня, да?! Сдал?! Да, я выбрался! – брызгая слюной, орал в трубку Савельев. – Только чего мне это стоило! Ты ж думай, дорогой, когда бойцов присылаешь! А-а, не твои бойцы?! В общем, разницы я не вижу – твои, не твои, – а только оба уже на том свете отдыхают... Да, есть реальная поддержка, ты правильно заметил... Все, бывай! Потом договорим!

В прихожей застонал, приходя в себя, первый пес. Пашка сунул мобильник в карман и злобно выругался:

– Сукин сын, Михальский! А ведь один из лучших!.. Б... криминал ползучий!..

– Запутался ты, «Армада», – заметил Артем. – Хозяев надо осторожно выбирать. А то в следующий раз ошейник и потуже могут затянуть...

– Да я им покажу «ошейник»! – горячился Пашка. – Разговор ведь какой был: помоги своими способами курьеров с поезда снять и изъять контейнер. Базара о том, что параллельно энкавэдэ на меня наедет, не было!

– «Сегодня ботаешь по фене, а завтра встанешь на колени», – процитировал Тарасов. – Валим-ка отсюда, и по-быст-

рому!

– Все, Теман, никакого больше криминала с моей стороны: это дорожка скользкая, и идти по ней я не желаю! – торжественно заявил Савельев, когда они уселись в пойманные на углу «Жигули».

– Покайся, сукин сын, что переоценил свои скромные силы, – сказал, ехидно улыбаясь, Артем.

– Каюсь! Каюсь! – мотнул всклокоченной головой Пашка. – Больше никаких связей с государственным криминалом!

По дороге он беспрерывно звонил, кому-то жалуясь и кого-то убеждая. Похоже, в подобных переделках Савельеву приходилось бывать не раз – он быстро оправился, порозовел, и даже разбитые губы не так уж бросались в глаза. Сыщицкая служба – она самая болезненная насчет морды...

* * *

Они сидели за угловым столиком в уличном кафе, прихлебывая пиво. Объемистый пакет с креветками был до половины пуст.

– Больше не повторится, это точно. Понимаешь, у меня с ФСБ особые отношения, – сплевывая шелуху, втолковывал окончательно пришедший в себя Пашка.

– Нашел с кем отношения выстраивать, – буркнул Артем. – От них держись подальше – старое правило, между

прочим.

– Правило-то старое, да Россия новая! – возразил Савельев. – Крыша «Армаде» нужна? Нужна!

– А завтра директор придет на работу с разбитой мордой, – заметил Тарасов, отхлебывая добрый глоток и отправляя следом пару крупных креветок.

– Заместитель завтра поработает, – беззаботно отозвался Пашка.

– Все равно не пойму, почему они тебя так бережно обрабатывали, – сказал Артем, испытующе заглядывая приятелю в глаза. – Обычно...

– Неужели непонятно? – поднял глаза Савельев. – Пугануть хотели по-серьезному. Ну и пуганули... Было уже со мной такое. А все почему? Потому, что поль-зу-ют-ся! – подняв палец, раздельно произнес Пашка.

– Расплачиваться за игрушки-камешки когда будешь? – поинтересовался Тарасов.

– А завтра и расплачусь, – расплылся в улыбке Савельев.

– «Хвост» за тобой постоянно ходит? – вдруг спросил Артем. Ему показался слишком внимательным взгляд молодого человека в темных очках, сидящего через столик.

– Часто! – кивнул Пашка. – Привык.

– Последствий, думаешь, не будет?

– Нет, я позвонил кому следует и сказал что следует, – заверил Савельев. – Говорю: бывало со мной уже такое...

Менялись посетители. Проходили, позванивая парами тя-

желых кружек, завсегда и, а Артем потихоньку хмелел, вливая в себя пенное пиво. Тот бандит в поезде первый, наверное, отдал концы; второй жив. Псы-эфэсбэшники, те, что на квартире, живы оба – за это Тарасов ручался. Жаль их, сукиных детей. Не хочется больше убивать...

Глава четвертая

В Россию с любовью

«Вся наша страна, от малого до старого, ждет и требует одного: изменников и шпионов, продавших врагу нашу Родину, расстрелять как поганых псов!»
Андрей Вышинский

Киев – Москва... Любовь и голуби... Граница уплыла на юг, и вместе с ней растворились в железнодорожной дали две дружественные таможи с их толкотней, суетней и откровенной разбойничьей наглостью чиновников, с трехчасовой нервной задержкой поезда, которая куда неприятнее, чем задержка месячных у любимой девочки. Утихли споры и жалобы на произвол, на бис исполненные опытными украинскими мешочниками. Съедены домашние харчи. Решены убогие кроссворды. Заполнена иммиграционная карта, и в ней значится: «Олесь Бузько (экзотическое для русского уха имя). Пол: мужской (что несомненно; надо бы добавить: «гендерная принадлежность – убежденный гетеросексуал»). Цель поездки: туризм (ждите меня, я скоро приеду). Срок пребывания: трое суток...» Солидный документ, проштемпелеванный суровым сотрудником российской пограничной службы. Его нужно вложить в паспорт и все время держать при себе – Москва слезам не верит, а московская

милиция – и подавно.

Припомнилась последняя беседа с Кульчицким, имевшим штаб-квартиру в Киеве и приехавшим провожать хорунжего на вокзал.

«Это пока только проба, – рубя ладонью воздух, пылко говорил Кульчицкий. – Еще один тяжелый психологический удар для московских властей. Если бы наши чеченские друзья были решительнее и не поддавались на посулы своих и чужих соглашателей, Москва давно взлетела бы на воздух – до самых до окраин!» Сияло лицо *провидьика*, сияли его глаза в паутинке морщинок, цвел отличный ровный загар. «Я накопил в себе достаточно злости, чтобы оклеить пластиком половину столицы Сатаны, – ответил тогда Бузько. – Располагайте мной, *друзе провидьик*, по своему усмотрению». Кульчицкий лучезарно улыбнулся. «Я ценю ваши патриотизм и преданность делу, – сказал он. – Но все же не забывайте, что по возвращении домой вас будет ждать условленный гонорар...»

«Город Сатаны» наплывал из прекрасного далека полосой отчуждения, скрещивающимися линиями электропередачи, пакгаузами, запасными путями, стрелками, семафорами, железным нагромождением гаражей и складов. Состав двинулся медленным шагом. Пассажиры собирали багаж.

Едущий налегке, с одной только спортивной сумкой Бузько выбрался в тамбур и сквозь пыльное стекло наблюдал за медленными изменениями пейзажа. Он закурил, и дым си-

ними пластами потянулся сквозь трещину в окне.

Он спрыгнул на перрон первым и, забросив сумку за плечо, двинулся к подземному переходу. «Все здесь враждебно, – повторял про себя хорунжий. – Люди, автомобили, рекламные листовки, которые раздает вот эта хорошенькая малолетка... Ты приехал сюда как солдат, а значит, ты равнодушно-спокоен и готов к борьбе за счастье родного народа...» А враждебный город пузырился весенней толкотней, тысячей звуков и миллионом запахов, потому что Москва открыта гостям и любит их по мере своих восьмисотлетних сил.

* * *

– От Кульчицкого? Приезжайте в течение часа, здесь недалеко. Если задержитесь, меня уже не будет – меня ждут...

Абонент был сдержан и по-столичному деловит.

Плохо знающий Москву Бузько опоздал на десять минут: неправильно поняв многословный рассказ говорливой старушки, он проехал на метро лишнюю станцию. В облезлой квартире на втором этаже П-образного дома по Суцевскому Валу его встретил пасмурный старик в клетчатой рубашке.

– Я уже на выходе, – сообщил хозяин, открывая дверь и выпуская гостя. – Описание вашей персоны, которое прислал Кульчицкий, совпадает. Значит, вы и есть тот самый Олесь. Моя фамилия – скажем так – Семенцов. Проходите. У нас

пятнадцать минут...

Бузько очутился в запущенной двухкомнатной квартире, где уборка не производилась уже лет сто. Беспорядочные железки, жестяные банки, покрытые засохшими потеками, ржавые инструменты создавали впечатление запущенной мастерской.

– Садитесь, – сбрасывая на пол сонного рыжего кота с вымазанной в зеленое спиной, сказал хозяин. – Порция «мыла» уже упакована и оплачена. Акваланг – облегченный вариант без баллонов, только с маской... – Видя недоумение на лице гостя, Семенцов пояснил: – Пластит.

Взвешивая на руке увесистый пакет, Бузько поинтересовался:

– А вы с господином Кульчицким, наверное, вместе служили?

Семенцов нехорошо ухмыльнулся и, помедлив, ответил:

– Да уж, служили... В интересном одном месте... Только он, хитрожопец, подполковником уволился, а я – капитаном...

– Удивительно! Служили вместе, а на украинца вы совсем не похожи, – заметил хорунжий.

Эта фраза обозлила хозяина:

– Ты пальцы в чужие проблемы-то не суй! – прикрикнул он. – Я не турецкий, я не немецкий, а советский! Простой пенсионер, понял?! И торгую, чем могу, чтобы к пенсии приработать! И насрать мне на твоего Кульчицкого и на тебя!..

Вон рюкзак с аквалангом бери и вали отсюда!

Бузько торопливо собрал покупки и направился к двери. Говорить было больше не о чем; обижаться, впрочем, тоже.

Хозяин тем временем поостыл.

– Погоди! – окликнул он.

Хорунжий остановился.

– Приходилось плавать с аквалангом? – хмуро спросил Семенцов.

– Плавал. Даже подводной охотой занимался. В нашем родном Крыму, в хорошие времена, – поспешно ответил Бузько.

– Когда они были-то – хорошие времена? – буркнул Семенцов, расстегивая «молнию» на сумке хорунжего и заботливо вкладывая туда еще один сверток. – Запалы-то забыл, профессионал! «Липучкой» хоть умеешь пользоваться?

– Со взрывчаткой знаком хорошо...

– Не произноси слова «взрывчатка» вслух вообще никогда! – строго заметил Семенцов. – В Москве это слово произносить нынче опасно...

Хозяин повозился с ключами и открыл дверь.

– Бывай, *щирый украинец!* – желчно проговорил Семенцов. – Ты меня не видел, я тебя тоже.

* * *

Опасный груз Бузько оставил в тайнике на окраине горо-

да. Схема, врученная Кульчицким, оказалась точной: место было безлюдное и безопасное. Вдалеке шумная трасса, уводящая прочь от Москвы, руины, бетон, ржавые прутья арматуры... Шпионские игры, затеянные *провидником*, раздражали. Но партийная дисциплина прежде всего – и Бузько аккуратно рассыпал вокруг схрона пачку дефицитной махорки.

Оставался визит к человеку, которого Кульчицкий громко именовал просто «нашим союзником». К человеку, который выведет хорунжего на объект...

Поминутно сверяясь с записанным на самой главной страничке памяти адресом, Бузько добрался до Садовнической улицы, миновал пятый номер с окнами-арками и припаркованным десятком машин, повернул во дворы... Вот то самое место – старые дома, новехонькая детская площадка из цветного пластика, хлебный ларек. Кремль недалеко, а на ступеньке сидит чернявый паренек кавказского вида и отрешенно курит, глядя прямо перед собой.

Бузько подошел и поздоровался. Чернявый не обратил на него никакого внимания, только выпустил дым из ноздрей.

– Мне нужен господин Дакаев, – настойчиво проговорил хорунжий.

Тут чернявый парнишка поднял глаза, усмехнулся и ткнул пальцем в сторону приоткрытой двери ларька, откуда несло свежим хлебным духом.

– *Захады, дарагой!* – услышал Бузько сакраментальную

фразу. – Я здесь!

Хорунжий сделал шаг и оказался внутри ларька среди душных горячих запахов печеного и румяных булок.

– Сейчас выручку досчитаю, – не поднимая головы, сказал лысый тип с черной бородой, растущей, казалось, прямо из горла. – Присядь на табурет. Меня Хамидом зовут.

– Олесь, – просто ответил Бузько.

– И у тебя имя подозрительное, – вручая деньги подлезшему под локоть хорунжего пареньку, сказал Хамид. – Здравствуй.

– Здравствуйте. Я приехал...

– Давай-ка на «ты», – перебил Хамид. – Враг у нас общий, значит, дружить будем... А откуда ты приехал, я знаю: твое фото мне присылали, а тебя самого мой пацан срисовал, еще когда ты по дворам кружил.

– Мне бы так, чтобы время не терять, – сказал хорунжий. – У меня на родине много работы...

– А-а, у меня на родине тоже полно работы! – махнул рукой Хамид. – Все успеем, все сделаем – хорошие люди насчет тебя звонили, уважаемые... Сегодня ночью уже на место пойдем. Багаж, смотрю, не при тебе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.